

На правах рукописи

ПЛОТНИКОВА Анна Аркадьевна

**Этнолингвистическая география
Южной Славии**

Специальность 10.02.03 -- Славянские языки

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2004

Работа выполнена в Отделе этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения Российской академии наук

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук Т.И. Вендина
доктор филологических наук Л.В. Куркина
доктор филологических наук А.В. Дыбо

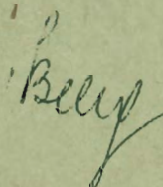
Ведущая организация – Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, кафедра славянской филологии

Защита диссертации состоится 18 января 2005 г. в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 Москва, Ленинский проспект 32а, корпус "В", 9 этаж (ауд. 901–902).*

С диссертацией (монография *Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Издательство «Индрик», 2004. 768 с. 48 п.л.*) можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН.

Автореферат разослан 2 ноября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Г.К. Венедиктов

Работа представляет собой опыт ареального изучения терминологической лексики традиционной народной духовной культуры в пространстве Южной Славии. Исследуются диалектные термины и обозначаемые ими экстралингвистические явления из сферы народного календаря, семейной обрядности и народной мифологии в географической проекции. Принятый в современном языкознании термин «лингвогеография» получает в диссертации новое осмысление как «этнолингвистическая география», поскольку диалектная лексика исследуется в неотъемлемой связи с соответствующими этнокультурными явлениями. Подобно тому, как лингвистическая география по общему признанию является источником и инструментом для реконструкции праславянского языка и промежуточных состояний славянской языковой эволюции, этнолингвистическая география может рассматриваться как один из важных источников для реконструкции древнейших форм традиционной духовной культуры славян и славянского этногенеза. Книга построена на материале всех южнославянских языков и традиций, что позволяет выявить культурно-языковые ареалы на территории непрерывного пространственного континуума Южной Славии. В книгу включено 46 этнолингвистических карт с комментариями, посвященных названиям народных праздников и ежегодно исполняемым обрядам, родинным, свадебным и похоронным ритуалам, наименованиям мифологических персонажей и поверьям о них и др.

Исследование базируется на данных лингвистики, этнографии и фольклористики и носит комплексный характер, общий для работ, выполняемых в русле этнолингвистики – науки о языке и культуре. Ареальный аспект изучения терминологической лексики южнославянской народной духовной культуры связан с необходимостью географической систематизации и сравнительного анализа огромного корпуса данных, накопленных усилиями ученых-славистов в течение двух последних столетий. Многочисленные наблюдения ареалогического характера, первые опыты составления этнографических и фольклорных атласов славян (см. например, «Атлас народной культуры в Польше» К. Мошиньского, 1934-1936; «Этнографический атлас Словакии», 1990; пробные карты «Полесского этнолингвистического атласа», в сборнике «Славянский и балканский фольклор», 1986) подготовили почву для понимания диалектного характера явлений традиционной народной духовной культуры, на который неоднократно обращал

внимание акад. Н.И. Толстой. В южнославянской научной традиции этому аспекту изучения культуры также придавалось большое значение, см. работы Х. Вакарелского, М. Гавацци, Н. Курета, П. Костица, С. Генчева и многих других. Была проделана огромная работа по сбору данных для «Этнологического атласа Югославии», включавших как этнографические, так и диалектные данные (в 1989 г. вышла первая книга атласа; в дальнейшем работы по его созданию были остановлены, полный архив атласа хранится в Университете г. Загреба); еще до второй мировой войны был составлен проект и представлены пробные карты болгарского фольклорного атласа Х. Вакарелским (1931). В настоящее время работой по картографированию явлений традиционной культуры отдельных национальных традиций и обозначающей ее терминологии занимаются лишь некоторые ученые, в том числе российские, разрабатывающие специальные культурологические темы (О. Младенова, Д. Младенова, Б. Сикимич, В. Смоле, И.А. Седакова, Е.С. Узенева и др.).

Южная Славия представляет собой сложный по структуре непрерывный культурно-языковой континуум. Его изучение невозможно без привлечения данных других балканских (неславянских) традиций, что убедительно показали труды Т.В. Цивьян, Г.А. Цыхуна, Л.В. Куркиной. Используемый в работе термин «балканославянский» (термин, контекст и т.д.) имеет, прежде всего, лингвогеографическое наполнение, принятое в современной балканистике: имеются в виду болгарская, македонская и восточносербская традиции, однако исследование ряда конкретных терминов и явлений показывает глубокое проникновение балканизмов (лингвистических, культурных, фольклорных и иных явлений, общих для балканских славянских и неславянских традиций) далеко на запад Южной Славии. Как свидетельствуют ареальные исследования Южной Славии по критериям лингвистическим (работы П. Ивича), этнографическим (см. Gavazzi M. *Vrela i sudbine narodnih tradicija*. Zagreb, 1978), эта единая по ряду признаков славянская зона поддается членению на противопоставленные друг другу и/или компактные ареалы, что послужило посылкой к исследованию ареалов Южной Славии по этнолингвистическим критериям в представленной диссертации.

Задачи исследования. Монография ставила целью показать диалектный характер явлений народной духовной культуры, имеющих или не имеющих выражение на языковом уровне; установить наборы дифференцирующих этнолингвистических признаков, на основании которых выделяются противопоставленные культурно-языковые ареалы в пространстве Южной Славии; определить особенности взаимодействия этих ареалов и их отношение к собственно диалектным ареалам, выявляемым по лингвистическим признакам (фонетическим и морфологическим). В качестве частной, но не менее актуальной для этнолингвистического исследования в свете ареалогии задачи предполагалось изучение процессов распространения какого-либо термина и соответствующих экстралингвистических явлений, т.е. на основании многочисленных картографических изображений «того, где и какие внеязыковые, реальные или “этнографические” признаки отражены языком, и какие и где – не отражены»¹, выявить закономерности ареально-го взаимодействия разных типов выражения (например, термин – ритуал – легенда) одного культурного явления или мотива (например, мотива почитания медведя в день св. Андрея).

Актуальность и научная повизна. К настоящему времени в трудах по этнографии, диалектной лексикографии и фольклору накоплен большой эмпирический материал по терминологической лексике традиционной духовной культуры южных славян, поэтому назрела необходимость его систематизации и отображения на карте Южной Славии. До сих пор были известны только опыты картографирования отдельных культурно-языковых явлений, главным образом – в рамках национальных традиций южнославянских стран. В монографии впервые исследуется терминологическая лексика из всех основных сфер традиционной народной духовной культуры (народный календарь, семейная обрядность и народная мифология) в ареальном аспекте. На основании детального этнолингвистического анализа изучаемой диалектной лексики, предполагающего обращение к соответствующим экстралингвистическим явлениям, проведено картографирование терминологической лексики традиционной духовной культуры, составлено и прокомментировано 46 этнолингвистических карт, что позволило выявить и описать культурно-языковые ареалы Южной Славии. В резуль-

¹ Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по народной мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 35.

тате нашли подтверждение на уровне этнолингвистического материала уже известные по иным лингвистическим критериям такие противопоставленные ареалы, как восток – запад, центр – периферия (ср. работы П. Ивича, Н.И. Толстого, Л.В. Куркиной); определены и те ареалы, которые до сих пор не были достаточно эксплицированы в работах славистов: южный балканославянский пояс, македонско-южносербско-западноболгарский и западный хорватско-словенский ареалы, а также специфическая зона сербско-болгарского пограничья, лишь с недавних пор определяемая как особый южнославянский ареал (см. работы А.Н. Соболева). По-новому, с учетом конкретного материала по этнолингвистической географии, в работе решаются проблемы определения лексических, семантических и культурных балканизмов и распространения их в пространстве Южной Славии; соотношения ареалов термина и его культурного контекста, имеющих вид концентрических кругов, центр которых занимает терминологическая лексика.

Методы. В работе применяется этнолингвистический метод изучения терминологической лексики, предполагающий обращение к соответствующим экстралингвистическим явлениям культуры. При картографировании исследуемой лексики особое внимание обращено на этнокультурный контекст функционирования слова (обрядовые характеристики реалии, действия, лица; функции и признаки мифологического персонажа). Отбор терминологических единиц для этнолингвистического картографирования осуществляется на основе детального анализа их экстралингвистических характеристик; при этом привлекается фоновый сравнительный материал по иным славянским и неславянским балканским традициям. Используются методы типологического и сравнительно-исторического анализа, позволяющие показать членение культурно-языкового пространства Южной Славии в рамках «этнографического настоящего» (XIX-XXI вв.), что открывает дальнейшие возможности для исторической интерпретации выявляемых ареалов и реконструкции прежних состояний народной духовной культуры.

Источники. Для этнолингвистического картографирования с целью последующего определения культурно-языковых ареалов Южной Славии в диссертации использованы материалы различных опубликованных источников, а также данные полевой работы и некоторых архивов. Исследованием были охвачены диалектные словари; словари и энциклопедии по календарным обря-

дам и обычаям и народной мифологии; этнографические описания отдельных зон и регионов Южной Славии; специальные работы, посвященные отдельным темам традиционной духовной культуры; сборники быличек и мифологических рассказов. Особо следует отметить значение полевых материалов, как собранных автором в Сербии, Македонии и Болгарии в 1997-2002 гг. (всего было обследовано 10 сел и регионов), так и любезно предоставленных ему коллегами, работавшими по этнолингвистической программе в шести селах западной и восточной Болгарии. Все данные, собранные по единой этнолингвистической программе, стали основополагающими и своего рода «контрольными» при картографировании, поскольку опубликованные в разное время иные источники, как правило, не ставили своей целью отображение лексических и экстралингвистических данных на карте. Вместе с тем степень исследованности разных форм народной культуры Южной Славии в настоящее время настолько велика, что позволяет по каждому из анализируемых явлений использовать от 40 до 250 пунктов наблюдения, что и представлено в диссертации на картах и в комментариях к ним.

Теоретическое и практическое значение. Содержащиеся в работе теоретические положения и картографический опыт могут служить основой для создания этнолингвистического атласа славянской традиционной народной духовной культуры, а также диалектологических атласов славянских и балканских языков. Например, часть разработок, проводившихся в рамках данного исследования, вошла в программу «Малого диалектологического атласа балканских языков» (см. *М.В. Домосилецкая, А.А. Плотникова, А.Н. Соболев* Малый диалектологический атлас балканских языков // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады Российской делегации. М., 1998. С. 196-211.*). Представленный в книге перечень этнолингвистических признаков, формирующих противопоставленные ареалы в непрерывном пространстве южнославянских традиций, является базой для изучения культурных диалектов Южной Славии и создания этнолингвистического атласа этой части славянской территории.

Результаты исследования находят отражение в первых трех томах словаря «Славянские древности» (М., 1995, 1999, 2004; статьи Ветер, Гумно, Додола, Доение ритуальное, Затмение, «Здучач», «Зеленый Юрий», Кукеры, Лазарки, Ламя, Мартеница,

«Мышиные дни» и др.), а также в совместной российско-сербской энциклопедии «Словенска митологија» (Београд, 2001; статьи: Баба Марта, Кошулица, Лила, Сировари, Сурвакане, Чесница и др.).

Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы в курсах по этнолингвистике, сравнительной лексикологии и семасиологии, лингвогеографии, сравнительной мифологии. Так, например, созданный автором и применявшийся при сборе материала для монографии этнолингвистический вопросник (*А.А. Плотникова* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.) был переведен на сербский язык М. Илич и в настоящее время используется при полевой практике студентов филологических факультетов г. Белграда и г. Нови Сада в Сербии.

Апробация. Работа была обсуждена в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Результаты исследования излагались на международных и отечественных конференциях, в том числе: на VII и VIII Международных конгрессах по изучению Юго-Восточной Европы (Салоники, 1994; Бухарест, 1999); на XII и XIII Международных съездах славистов (Краков, 1998; Любляна, 2003); на Балканских чтениях (Москва, 1997, 1999, 2001); на Толстовских чтениях (Москва, 1999, 2003, 2004); на совещаниях по составлению Малого диалектологического атласа балканских языков (Санкт-Петербург, 1998, 1999, 2000, 2003) и др. По материалам книги был подготовлен целый ряд научных статей, опубликованных в России, на Украине, в Белоруссии, Сербии, Словении, Македонии, Болгарии, Румынии, Франции, Австрии, Германии. Монография, подготовленная к печати в качестве докторской диссертации, получила положительные отзывы и рецензии в России, Сербии, см. *Е.И. Якушикта*. // Славяноведение, 2004. № 5. С. 113-116; *О.А. Ржашникова*. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001-2002. М., 2004. С. 427-431; *Б. Сикимич*. // Расковник. Београд, 2004. № 101. С. 173-180.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и объемного справочного аппарата, который содержит карты с комментариями, библиографию, предметно-понятийный указатель и список карт. Глава I «Этнолингвистика и проблемы картографирования» включает четыре раздела, посвященные теоретическому обоснованию понятия «культурный диалект» (1); предмету и методам этнолингвистического картографирования (2);

выявлению и описанию перечня (корпуса) этнолингвистических признаков, по которым выделяются южнославянские ареалы (3); источникам картографирования (4). Глава II «Южнославянская этнокультурная лексика в свете ареальных противопоставлений» состоит из трех разделов: 1. Народный календарь, 2. Семейная общность, 3. Народная мифология. Часть III «Южнославянские ареалы», посвященная описанию самих ареалов по наборам этнолингвистических признаков, состоит из шести разделов: 1. Восток и запад южнославянского диалектного пространства, 2. Сербско-болгарское пограничье, 3. Македонский ареал в окружении южнославянских традиций, 4. Южный балканославянский пояс, 5. Южнославянский запад – общее и особенное, 6. Центральная и латеральная зоны южнославянского лингвистического пространства.

Во **Введении** представлен обзор литературы по вопросам балканославянской ареалогии и картографирования этнокультурной лексики; излагается проблематика работы и указывается специфика предпринятого исследования по отношению к предшествующим трудам. Подчеркивается, что в диссертации впервые предпринята попытка осветить терминологическую лексику традиционной народной духовной культуры с точки зрения распределения в непрерывном южнославянском культурно-языковом пространстве в аспекте ее семантики, внутренней формы, мотивационных признаков, а также символики, экстралингвистических характеристик и контекстов функционирования.

Глава I «Этнолингвистика и проблемы картографирования» посвящена общетеоретическим вопросам: принятому в работе подходу к явлениям языка и культуры, источникам информации о них, методам и способам этнолингвистического картографирования, анализу предшествующих научных изысканий, подготовивших условия для постановки проблем этнолингвистической географии и ареалогии, а также разработке конкретного перечня (корпуса) признаков этнолингвистического картографирования, на основе которых возможно выявление культурно-языковых ареалов Южной Славии.

В первом разделе «Язык культуры и культурные диалекты» важным представлялось указать на особенности системы традиционной народной картины мира, позволяющей описывать ее принятыми в лингвистике семиотическими методами. Именно осознание знакового характера языка традиционной

народной культуры, прежде всего, разработки в области морфологии культуры, членимой на повторяемые элементы, подготовили почву для введения в научный оборот понятия «культурный диалект», который, как и собственно языковой диалект, может быть описан на основании ряда четко выделяемых признаков. Комплексный этнолингвистический подход к явлениям языка и культуры предполагает определение диалекта в широком смысле слова: «Диалект (равно как и макро- и микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую, если народную духовную культуру выделять из этнографических рамок»².

Аналогично известному утверждению о том, что «диалекты языка есть его развернутая в пространстве диахрония», можно сказать, что культурные диалекты также характеризуются признаками, представляющими целый ряд хронологически разных состояний народной культурной традиции. Многие из этих признаков весьма архаичны как по форме, так и по содержательному наполнению (например, южнославянские обряды вызывания дождя *додола*, *пенеруга*, *прпоруша*), другие свидетельствуют о том, что с течением времени изменился (или утратился) смысл ритуала (или представления), но сохранилась форма (например, разжигание летних обрядовых факелов *лила* в ряде боснийских областей не связано с фертильной магией, в отличие от западносербских регионов, где ритуалы с факелами *лила* сопровождаются заклинательными формулами о плодородии полей и плодовитости скота); или же в народном сознании живет имя (название) того или иного мифологического персонажа, однако утратилось представление о его функциях, и он перешел в разряд демонов-устрашителей, которыми пугают детей (например, серб. *баба Роза* и пр.), и т.д. Исследования Вяч.Вс. Иванова, В.В. Топорова, Н.И. Толстого, С.М. Толстой и других ученых свидетельствуют о далеко не исчерпанных возможностях реконструкции славянской народной культуры на основании данных «этнографического настоящего» в сопоставлении с материалами языка, письменных источников, с древними традициями других индоевропейских народов. Результаты картографирования явлений традиционной народной духовной

² Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по народной мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 21.

культуры и их языковых реализаций могут способствовать углублению представления о степени архаичности славянских культурных диалектов.

Более широким и вместе с тем непосредственно связанным с концепцией культурного диалекта является понятие культурно-диалектного (или культурно-языкового) ареала. Как известно, лингвистическая география, изучающая территориальную проекцию структуры и содержания диалектов на основании лингвистических карт, и ареалогия, ориентированная на построение пространственных моделей языковой действительности и создание теории лингвистических пространств, различаются по источникам, методике и задачам исследования (этим вопросам посвящены работы М.А. Бородиной)³.

В этом разделе обрисована задача предпринимаемого исследования и методы ее решения, которые значительно усложняются по сравнению с процедурами в рамках собственно лингвистической ареалогии, базирующейся на материале уже созданных лингвистических карт и атласов. В нашем случае должен быть пройден весь путь последовательных этапов исследования, начиная от полевого изучения сел по единой этнолингвистической программе и сбора материала по словарям и этнографическим источникам через составление карт (этнолингвистическое картографирование) к обобщению их результатов — определению изоглосс и вычленению южнославянских культурно-языковых ареалов.

Во втором разделе «Предмет и методы этнолингвистического картографирования» характеризуется объект исследования — этнокультурная лексика, т.е. диалектная терминологическая лексика в этнокультурном контексте, представляющем собой совокупность сфер функционирования термина в народной духовной культуре; характеризуются применяемые при этнолингвистическом картографировании методы; описываются типы карт, созданные в рамках диссертационного исследования.

Терминология обрядов и верований, будучи одним из основных источников реконструкции традиционной духовной куль-

³ См., например: Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980. С. 12-25.

туры (см. об этом работу С.М. Толстой)⁴, обладает высоким потенциалом для картографирования различных аспектов слова: лексики, семантики, символики, внутренней формы («ближайшего этимологического значения», по Потебне), а также и экстралингвистических характеристик, которые в случае этнолингвистического картографирования имеют особое значение.

В этом разделе последовательно рассматриваются особенности картографирования всех указанных аспектов, включая характеристику лексики различных тематических областей. Так, для картографирования обрядовой терминологической лексики важно выбрать доминантные семантические или функциональные признаки, по которым возможно объединение разных (например, по форме), явлений или реалий в один и тот же тип объектов. Например, у южных славян можно выделить разные типы хлебных изделий, выпекаемых в рождественский календарный период и имеющих общий сакральный смысл (обеспечение благополучия и достатка в наступающем году): каравай (или лепешка) с рельефными украшениями на поверхности; каравай (или лепешка), украшенный с помощью ветки дерева (кизилового, сливового и т.п.); каравай (или лепешка) со знаками для гадания (запеченной внутрь монетой, кусочками дерева в виде плуга, ярма или зернами, обозначающими разные сферы хозяйства и пр.); хлеб (или булочка) для животных или разных сфер хозяйства, символизирующих животных или разные сферы хозяйства (волов, коров, овец, пчел, полей и т.д.); булочки для членов семьи и др. Каждый из видов хлеба имеет какие-либо особенности выпечки: например, по-разному в разных регионах изготавливается хлеб со знаками для гаданий, однако в случае этнолингвистического картографирования обрядовой лексики значимым будет его тип («хлеб с монетой или знаками»), название (напр., ц.-серб. *чесница* в отличие от в.-серб. *кравай* и пр.), и календарная приуроченность выпечки как дополнительный экстралингвистический фактор. Особенно важным решением этой проблемы оказывается при картографировании терминологической лексики из области народной мифологии в силу сложного взаимоотношения имени персонажа и набора его функций и признаков. Поскольку эта область народных представлений характе-

⁴ Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 215-229.

ризуется повышенной степенью подвижности содержательных характеристик, частым их переносом с одного образа на другой, то для создания адекватной картины распределения мифологической лексики в пространстве в каждом конкретном случае выбираются концептуально значимые признаки. Например, для картографирования лексики, обозначающей южнославянскую ведьму, в качестве значимой характеристики берутся функции: отбирать молоко у чужого скота, отбирать урожай в поле, вредить молодым при вступлении в брак и в семейной жизни. Таким образом отсекается лексика, обозначающая людей, которые занимаются колдовством (т.е. знахарок, врачевательниц), но не вредят людям. При этом оказывается, что характерные для южнославянской ведьмы (серб. *veštica*) функции пожирать младенцев, пить кровь у людей или поедать их органы не могут быть решающими при выборе лексики для этнолингвистического картографирования, поскольку такие функции типичны и для других южнославянских мифологических персонажей (вампира, «моры» и пр.). Здесь же отмечено, что наиболее слабым в качестве классифицирующего признака в типологии мифологических образов можно считать его внешний облик, во-первых, по причине непостоянного характера данного признака (ср. оборотничество демонов), во-вторых, в силу мифологической насыщенности многих ипостасей: зооморфных (например, облик змеи на южнославянской почве могут иметь и демоны непогоды, и драконы-любовники, и демоны-хранители дома, и демоны-защитники водных источников), антропоморфных (в образе человека предстают черт, ю.-слав. «вила», в.-серб. «осеня» и др.), метеорологических (например, разные персонажи являются в виде вихря, ветра).

Семантика, символика и внутренняя форма этнокультурной лексики также являются объектом этнолингвистической географии: эти аспекты непосредственно связаны с экстралингвистическим фоном функционирования исследуемой лексики и могут быть картографированы. Семантика термина традиционной народной культуры непосредственно соотносится с теми или иными особенностями экстралингвистической реальности, а его символика носит опосредованный характер, указывая на использование некоего «кода» в названии, например, цветового, зоологического и др. Особое значение для этнолингвистических изысканий имеет внутренняя форма терминов традиционной народной духовной культуры. Мотивация обрядовых наименований, как правило, свя-

зана с теми или иными ритуальными действиями, которые также поддаются картографированию. Например, наименования народных праздников, посвященных диким зверям, связаны с названиями соответствующих животных: болг., серб., макед. «мышиный день (праздник)», болг., макед. «волчьи праздники», серб., болг. «медвежий день», что обусловлено ритуалами задабривания или изгнания зверей из дома, села; наименование *Прочка* букв. 'прощение' как название последнего дня масленицы в Македонии, в юго-восточной Сербии и юго-западной Болгарии свидетельствует об исполнении соответствующих ритуалов взаимного прощения в этот день, которые, в свою очередь, фиксируются и шире – на территории Сербии и Болгарии, где названия последнего дня масленицы связаны с иной ритуальной символикой: либо с символикой белого цвета (цвета молочной пищи) в центре ареала (Сербия, Черногория, восточная Герцеговина и восточная Босния), либо с непосредственным обозначением молочной пищи на востоке ареала (Болгария и восточная Сербия): соответственно тип *беле покладе* и тип *сирне/и покладе/и*. Различными ритуальными действиями невесты с ребенком на свадьбе мотивированы его названия в обряде: его сажают к невесте на коня (откуда – серб., хорв. *наконче*; макед. *коњуар*, болг. *конче*), на колени (словен., хорв. *nakolenče* и под.), в подол (в.-серб. *ускутъяк*, макед. *скутарче*).

Сам термин «этнолингвистическая карта» может пониматься в узком смысле как комбинированная карта, на которой совмещаются географические проекции лексики народной культуры и соответствующих экстралингвистических явлений, а также в широком – как карта, посвященная терминологической лексике традиционной народной духовной культуры и создаваемая на основе определенным образом обработанной этнолингвистической информации, т.е. глубокого анализа совокупности экстралингвистических факторов (этнографических, фольклорных, культурологических). При этом важное методологическое значение имеет тезис Н.И. Толстого о первичной роли этнографической карты («как первичен предмет и относящийся к нему знак»), поскольку исходной точкой при создании любой этнолингвистической карты становится представление о распространении тех или иных обозначаемых словом экстралингвистических явлений. Картина, получаемая в результате обработки языкового и этнографического материала, может показывать распространение лишь терминологической лексики традиционной народной духовной культуры, однако

на таких картах, как правило, находят непосредственное «знаковое» отражение те случаи, когда рассматриваемое явление культуры известно, но не выражено лексически.

Третий раздел «Южнославянские этнокультурные явления и терминология традиционной народной духовной культуры как объект картографирования» посвящен выявлению корпуса этнолингвистических признаков, по которым возможно выделение противопоставленных ареалов в пространстве Южной Славии. По разным темам традиционной духовной культуры представлено свыше 200 таких признаков и описана процедура их определения. Каждая из исследуемых тем – «Народный календарь», «Хозяйственные обряды и обычаи», «Семейная обрядность» (с подтемами «Рождение», «Свадьба», «Смерть»), «Народная мифология» – разрабатывалась в плане сопоставления, во-первых, славянских традиций (южнославянский материал был выделен на основе изучения его в сравнении с восточнославянским и западнославянским), во-вторых, южнославянских и балканских неславянских (греческой, албанской, румынской) традиций, в-третьих, традиций *внутри* южнославянского ареала (болгарской, македонской, сербской, хорватской, словенской). Эта процедура обусловлена тем, что южнославянские языки и традиции входят в два разных культурно-языковых компендиума – славянский и балканский, причем особенности последнего оказывают значительное воздействие на южных славян после заселения ими Балканского полуострова. Опорной точкой для сравнения служат славянские материалы (как наиболее изученные в настоящее время), в том числе балканославянские данные, сопоставляемые с неславянскими балканскими традициями. Каждая балканославянская этнокультурная традиция (болгарская, македонская, сербская) рассматривается как самостоятельная балканская традиция, типологически сопоставимая с любой другой на Балканах, исходя из идеи Т.В. Цивьян о том, что любой «балканский» язык (и соответственно, культурная традиция) в равной степени может быть точкой отсчета для выявления собственно балканских феноменов в языке и культуре.

Представленное для последующего картографирования описание корпуса признаков включает их содержание, основную ареальную характеристику, т.е. предварительную информацию о

наиболее частом проявлении в том или ином ареале; примеры с конкретными географическими пометами, например:

«ДЕНЬ СВ. АНДРЕЯ (30.XI/13.XII):

- мотив почитания медведя в названии праздника (СБ – в.-серб. *Мечкидан*);

- угощение в этот день для медведя (СБ – в.-серб. *Мечкодава, корен*)

- [(СБ, Б, С) – ритуал приглашения медведя, ритуальное кормление медведя, легенда о св. Андрее, повелителе диких зверей, укротившем медведя)] (где СБ – сербско-болгарское пограничье; Б – болгарская традиция, С – сербская традиция). С. 38.

Выделяемые этнолингвистические признаки неоднородны по содержанию. Возможны разные типы характеристики описываемых тематических фрагментов: с точки зрения (1) смыслового объема соотносимых с экстралингвистическими явлениями терминов, (2) внутренней формы, или «ближайшего этимологического значения», терминов, (3) их мотивировок, семантики и символики, (4) лексического оформления, а также (5) отражения в названиях фольклорных мотивов и сюжетов (связанных с легендами о свя-тых, персонифицированных месяцах года и пр.). В первом случае при выделении признака учитывается смысловое содержание термина, соотнесение лексемы с экстралингвистическим планом. Во втором и третьем случаях внимание уделяется самой исследуемой лексике: ее внутренней форме, мотивационным признакам, а также опосредованным способам обозначения элементов культурной картины мира («кодам»). Реализация общих для ряда лексем семантики, символики или мотива может осуществляться на уровне одного и того же корня (основы), генетически родственных корней (основ) или генетически разных корней (основ). При этом возможно дополнительное внутреннее членение ареала по формальному признаку – типу лексики или происхождению лексем (заимствование / исконное слово). Например, для обозначения ведьмы у южных славян используются как лексемы общеславянского происхождения типа *вейтица, чаровница*, характерные преимущественно для западной части Южной Славии, так и балканизмы типа *маг'осница*, распространенные на востоке территории. В четвертом случае важную роль играют лексемы, выступающие как характерные для южнославянского или балканославянского ареала лексические знаки культурных концептов, например, грецизм ⁺*ламја*, турцизм ⁺*тамасон* и др.

Внесение в перечень того или иного типа характеристики этнолингвистических явлений зависит от ряда факторов, прежде всего – степени изученности того или иного фрагмента традиционной народной духовной культуры; наличия возможных ареальных противопоставлений, лексических, экстралингвистических, символических, мотивационных.

Последний раздел первой главы диссертации «Источники картографирования этнолингвистического материала» посвящен специфике работы с различными источниками, использованными для целей предпринятого исследования. Характеризуются все виды источников диалектного, этнографического и фольклорного материала, легшего в основу этнолингвистической географии Южной Славии.

Ценными источниками для этнолингвистического картографирования (в том числе – рекартографирования) и дальнейших ареалогических исследований следует признать опубликованные материалы «Этнологического атласа Югославии» (прежде всего пробный выпуск и первая часть), в целом ряде случаев показывающие взаимосвязь лексического и экстралингвистического аспектов, и тематические работы этнографов и этнолингвистов по отдельным регионам Южной Славии, содержащие карты с полной или частичной документацией – этногеографические исследования обряда *додола / прпоруша* на территории бывшей Югославии (статья В. Чулинович-Константинович), обряда «Зеленый Юрий» у хорватов и словенцев (брошюра В. Хузьяк), ритуалов календарного и иного возжигания огня у болгар (докторская диссертация С. Гребенаровой) и под. Не менее важными представляются проведенные в этнолингвистическом русле исследования, в которых, хотя и отсутствуют карты, но дается полная и достоверная географическая документация тех или иных явлений традиционной народной духовной культуры, что позволяет нанести эти данные на карту. Таковы работы Л. Раденковича по лексике южнославянских мифологических персонажей, Л. Йордановой – о болгарских народных «сурвачках», О. Микитенко – о сербских погребальных голошениях и др.

Особое значение в исследовании придается полевому материалу, который служит наиболее точным подтверждением опубликованных ранее сведений о той или иной традиции Южной Славии. Полевой сбор этнокультурной лексики предполагает фиксацию контекста ее функционирования, что необходимо не только

для более точного определения значения слова, но и для решения задач этнолингвистического картографирования, предполагающих анализ сложных взаимосвязей между словом и обозначаемым им набором (последовательностью) явлений различного порядка (ритуальных, обрядовых, магических, текстуальных и др.). Поэтому при полевом сборе материала выясняются все возможные экстралингвистические характеристики лексем, особенностей соответствующих предметов, лиц, действий ритуального, обрядового, магического характера.

Менее представлена подобная экстралингвистическая информация в диалектных словарях, за исключением тех немногих случаев, когда словарные статьи содержат развернутое описание заглавного слова или этнографические и фольклорные комментарии. Традиция бережного сбора и отражения в словаре лексики традиционной народной культуры, восходящая «Сербскому словарю» Вука Караджича 1818 г., по-прежнему сохраняется в современной сербской и черногорской лексикографии (словари М. Златановича, Я. Динича, М. Станича, Д. и Ж. Чупичей и др.), причем в ряде словарей содержится ценная фольклорно-этнографическая информация (составляющая часть расширенного толкования или дополняющая краткую дефиницию; часто включенная в иллюстрации).

Достаточно полно сведения об исполнении обрядов, ритуалов, особенностях народной мифологии представлены в этнографических описаниях, которые посвящены отдельным краям и регионам и, как правило, строятся по тематическому принципу. В течение всего XX века такие этнографические описания монографического характера издавались в Белграде, в «Сербском этнографическом сборнике» (*Srpski etnografski zbornik*), в Загребе – в «Сборнике о народной жизни и обычаях» (*Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*), в Софии – в «Сборнике по фольклору, науке и литературе» (*Sbornik za narodni umotvorjenja, nauka i knjižništva*), а также и других журналах – сербском «Вестнике этнографического музея» (*Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu*), хорватском ежегоднике «Народное искусство» (*Narodna umjetnost*) и т. д. В настоящее время наиболее регулярно полные этнографические монографии, посвященные отдельным регионам, выходят в Болгарии (*Добруджа*, 1974; *Пириш*, 1980; *Родопи*, 1994; *Странджа*, 1996; *Сакар*, 2002 и др.); они последовательно «покрывают» практически всю территорию Болгарии. При возможной

публикации этнографических материалов из архива «Этнологического атласа Югославии», содержащего данные по всем другим южнославянским традициям, общая карта изученности Южной Славии выглядела бы достаточно полной.

Очевидно, что использованные в работе разнообразные источники неоднородны по степени возможности их применения для этнолингвистического картографирования. Так, в этнографических описаниях, как правило, фиксируются лексические обозначения обрядов, обрядовых лиц, реалий, мифологических персонажей и пр., однако даже в самых полных из них часто не указываются важные для картографирования особенности языкового или этнографического характера. В диалектных словарях нередко отсутствуют необходимые сведения экстралингвистического плана; в работе с архивными материалами атласов приходится учитывать возможные неточности или неполноту собранных данных и т.д.

Другая проблема, связанная с использованием разнородных источников, касается времени их создания и, соответственно, времени фиксации бытующих или бытовавших явлений в сфере традиционной духовной культуры и обслуживающей ее лексики. В исследовании задействовано максимально доступное для автора число источников, охватывающих как достаточно старые данные (например, из трудов Вука Караджича, включая «Сербский словарь» 1818 г., из работы Л. Илича по Славонии 1846 г., этнографических описаний начала и середины XX века и т.д.), так и современные полевые записи автора и его коллег, сделанные в последние годы (1996-2003). Столь широкий подход к картографируемому материалу дает возможность фиксации ценных старых и новых этнолингвистических сведений в единой географической перспективе. Следуя принципу ориентации на «этнографическое настоящее», понимаемое во временном аспекте как единое целое, как некое устойчивое состояние традиции, сохраняющей ценнейшие остатки архаического мифологического мышления, мы имеем возможность осветить культурный диалект во всей совокупности его системно-диахронических связей. Соглашаясь с исследователями традиционной народной духовной культуры в том, что с течением времени происходят какие-то, пусть слабо уловимые, изменения, мы, однако, не ставим себе целью абсолютизировать эти изменения до такой степени, чтобы ограничивать этнолингвистическое картографирование только каким-либо кратким временным отрезком, сужая перспективу рассматриваемых явлений в погоне за

«статическими» состояниями, которые, согласно Э. Косериу, есть продукт о п и с а н и я объекта (т.е. языка, добавим — диалекта и культурного диалекта), но не его суть, не его реальное состояние.⁵

Глава II «Южнославянская этнокультурная лексика в свете ареальных противопоставлений» ориентирована на подробное освещение большого числа отобранных культурно-языковых явлений, характерных для южнославянских народов, и представляет собой серию тематических очерков, сопровождаемых картами.

Первый раздел главы «Народный календарь» включает 16 подразделов, связанных последовательно с осенне-зимним, ранневесенним и весенне-летним циклами народных праздников: «“Мышиный” день», «“Волчьи” дни», «“Медвежий” день», «Хрононимы Рождества», «Рождественский каравай (названия и типы)», «Рождественский фигурный хлеб», «Рождественское полено», «Зимние дружины ряженных (наименования от ⁺*star-*, ⁺*děd-*, ⁺*bab-*)», «Новогодние дружины (названия от ⁺*surva*)», «Последний день масленицы», «Масленичный и летний ритуальные огни», «Масленичная игра с подвешенными предметами», «Мартовские ритуалы, поверья и легенды (“баба Марта”, “мартеница”)), «День св. Иеремии – заклинание против змей», «Весенне-летние девические обходы», «Весенне-летний окказиональный обряд вызывания дождя».

Осенние праздники, отмеченные зоологическим кодом («мышиные», «волчьи», «медвежьи»), имеют много общего в структуре обрядовых компонентов, поверьях и способах номинации. Их общая идея – предотвращение вреда, приносимого указанными животными, ритуально-магические профилактические меры перед наступлением зимы, когда особенно опасны хищные лесные звери, а также и грызуны в доме. Табу на упоминание животных в дни праздников, им посвященных, могут быть отражены в названиях самих этих праздников, причем именно в тех регионах, где особенно последовательно практикуются соответствующие ритуалы и магические действия (например, з.-болг. *Поганшияк*, *Поганшияко*, *Поган'к'ин дън*, в.-макед. *глушчови празници* ‘мышиный праздник (праздники)’, в.-серб. *Тетџин дън* ‘медвежий

⁵ См. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. 3. М., 1963. С. 148.

праздник'). И наоборот, как показывает картографирование названий и обрядовых контекстов, там, где ритуально-магическая практика представлена в ослабленном виде, отсутствует и зоологический код в названиях праздника – «звериные» праздники получают наименования по имени святого, в день которого они проводятся, на периферии крупных ареалов (западная часть Южной Славии, а также ее крайний юг и восток).

«Мышиный» день (27.X/9.XI) празднуется сразу после дня св. Димитрия (26.X/8.XI) в восточной части южнославянского культурно-диалектного континуума, которая в данном случае охватывает Болгарию, восточную Сербию, северную Македонию. В западной части Южной Славии (преимущественно в Боснии и Хорватии) «мышиный» день приходится на ранний весенний период народного календаря (в различные дни от масленицы до страстной недели Великого поста), что находит соответствие в южноболгарских областях (Странджа, Фракия, Родопы, отчасти – Пирин) и некоторых македонских регионах (Скопска Котлина, область Велеса), где обряды, направленные на защиту от мышей, исполняются в первые 2-3 дня февраля или в первый день Великого поста (реже – 1 марта).

В названии праздника преимущественно используется корень **муш-*, как на востоке Южной Славии (болг. *Мишов ден*, *Мишин ден*, *Мишляко*, *Мишите празници* и т.п., в.-серб. *Мишији дан*, *Мишоров дан* и др.), так и на западе (хорв. *Mišja sobota*, *Mišji petak* и под., босн. *Miš(i)ja subota*). В рамках восточного ареала наименований типа «мышиный праздник» на сербско-болгарском пограничье отмечается компактная зона хрононимов типа в.-серб. *Миштровдан*, *Мистровдан*, з.-болг. *Мистровден* (восточная Сербия, средняя западная Болгария), основанных на игре слов в связи с очередностью следования праздников в календаре: «мышиному» дню предшествует день св. Димитрия, например, серб. *Митровдан*, поэтому название следующего за ним дня в.-серб. *Миштровдан*, (с иной, «непрозрачной» огласовкой – *Мистровдън*).

Карта показывает компактное распространение термина и обычаев, связанных с «мышиным» праздником, в восточной части южнославянской территории, причем ареал имеет достаточно четкие, неразмытые контуры как на западе, так и на юге. На западе граница проходит по реке Южная Морава (включая и левобережные районы в области Лесковца), затем – по северной и восточной Македонии, на юге включая Пирин, Кукуш, Родопы, Фракию.

Границы западной зоны (определяющейся достаточно редкими терминами «мышья суббота / пятница») не определяются столь же четко, как в первом случае, однако очевидным можно считать тот факт, что соответствующие хрононимы и их обрядовые контексты отсутствуют на территории Воеводины (исключение составляют несколько сел западного Срема, отмеченных в монографии М. Босич), на территории центральной Сербии, в Черногории, а также в западной Македонии. Как показывает карта, два ареала, восточный и западный, не только противопоставлены друг другу по времени календарного исполнения обрядов и типу хрононимов (на востоке это «мышинный день, праздник»; на западе – «мышья суббота / пятница», опасный день весеннего календаря), но и разделены значительным пространственным «буфером», где ритуалы, связанные с защитой от мышей практически отсутствуют.

В пределах южнославянского культурно-языкового пространства дни (или «праздники»), посвященные волку и празднуемые с целью защиты скота и людей от этого опасного хищника, известны преимущественно на востоке (Болгария, Македония, Сербия), где распространен и соответствующий хрононим, относящийся осеннему периоду народного календаря – 7 (трех, пяти, девяти, одиннадцати, двенадцати) дням после праздника св. Архангела (8/21.XI) или св. Мина (11/24.XI), св. Филиппа (14/27.XI): болг. *Вълчите (Въкови, Въчки) дни (празници), Влчаци* и под., макед. *Вучки празници, Влков празник*. На территории Сербии, где 11.XI празднуется день св. Мартина (серб. *св. Мрата*), известны и соответствующие хрононимы типа серб. *Мратинци* – 3, 7 и более дней, отмечаемые для защиты от нападения волков (при этом ареал распространения данного термина включает регионы западной Болгарии и северной Македонии); в южной Македонии осенний праздник с целью защиты от волка именуется *Мартинија, Мартинци* и приходится на различные даты от 8/21.XI до 18.XI/1.XII. Ареал наименований от корня **vьlk-*, охватывает практически всю территорию Болгарии (за исключением средней западной Болгарии) и юго-восточную Македонию. Тип *Мратинци* (дериваты от ⁺*Martin*) наиболее распространен в юго-восточной Сербии. На территории Македонии этот тип термина зафиксирован преимущественно на западе и востоке; картину распространения данного типа номинации «волчьих» праздников на территории юго-восточной Сербии и Македонии продолжают и дополняют свидетельства из западной Болгарии. Западная граница дериватов от ⁺*Martin* в каче-

стве обозначений «волчьих» праздников проходит через косовско-ресавские говоры юго-восточной Сербии и одновременно является западной границей распространения многодневных праздников в честь волка у балканских славян.

Для ареала термина типа *Мратинци* характерным является ритуал, который не встречается в зоне отсутствия фиксации данного хрононима, а именно – ритуал жертвоприношения домашней птицы, чаще черного петуха, цыпленка или курицы. Как показывает карта, концентрация терминов типа болг. *мратиняк*, серб. *мратињак*, *мрата*, *мартинче* и под. наблюдается на севере сербско-болгарского пограничья и на юго-востоке Сербии; по мере удаления от этих областей фиксируются лишь ритуальные действия с жертвенной птицей в канун праздника св. Мартина, тогда как термин отсутствует. В плане этнолингвистической географии Южной Славии это явление представляет собой типичную картину взаимодействия двух ареалов – ареала термина (в данном случае – названия жертвенной птицы, образованные от соответствующего хрононима) и ареала самого ритуала жертвоприношения (включающего сопутствующие магические действия), который оказывается намного шире первого, вбирая и его, что можно охарактеризовать как тип концентрических кругов – устойчивый тип ареальных отношений распространения термина и этнокультурного контекста его функционирования.

Общая ареальная картина распространения терминов осенних «волчьих» праздников в Южной Славии отражает определенную последовательность культурных зон: на востоке наблюдается наиболее яркий тип наименований, мотивированных ритуально-магическими действиями и запретами – «волчьи праздники»; ее постепенно сменяет «вертикальная», проходящая через все сербско-болгарско-македонское пограничье зона терминов «мратинци», которая на самом западе имеет лишь отдельные периферийные реминисценции в виде сербских наименований одного дня праздника «св. Мрата».

По-разному реализуется на исследуемой территории балканских славян семантика почитания медведя в день св. Андрея. Наиболее ярко этот смысл воплощается в сочетании комплекса обрядовых действий, направленных на защиту от медведя, с соответствующей символикой названий праздника типа в.-серб. *Мечкиш дњи* (внутренняя форма термина ‘медвежий день’); нередко в этих регионах бывает известна легенда о св. Андрее и медведе.

Другой случай характеризуется исполнением описанных обрядовых действий и наличием фольклорного мотива укрощения медведя св. Андреем, однако символика медведя в названии праздника отсутствует. Третий известный случай – фиксация легенды об укрощении медведя св. Андреем при отсутствии иных связанных с медведем обрядовых или вербальных контекстов. Наложение на карту комбинации всех трех указанных типов этнолингвистических данных показывает концентрическое распространение символика медведя в названиях дня св. Андрея: густая плотность терминов в северо-восточной Сербии и северо-западной Болгарии, более разреженные свидетельства на периферии распространения ритуалов – в западной, центральной и северной Болгарии, на юге Пиротского края, тогда как на западе от ареала бытования ритуалов с соответствующей терминологией отмечается только легенда об укрощении медведя св. Андреем.

Функционирование рождественских хрононимов от **koled-* (служащих преимущественно для обозначения Рождества и предшествующего дня – Сочельника) характерно для восточной части южнославянского континуума, причем в качестве «переходной» зоны в данном случае выступает западноболгарская и македонская культурно-языковые традиции, где распространено наименование *Божич* и под. в значении ‘Рождество’ (как и во всей западной части Южной Славии, ср. серб., хорв. *Božić*) наряду с *Коледа* ‘Рождество’ (северо-западная и западная Болгария). На востоке Южной Славии термины, образованные от **koled-*, служат для обозначения не только Рождества, но и Сочельника (преимущественно в северо-западной, средней западной, средней и южной Болгарии). На юге переходной зоны известны лишь наименования Сочельника от **koled-* (македонские регионы и Пиринский край в Болгарии).

Южнославянская терминология рождественского хлеба отражает все уровни обряда, включая его символично-смысловую направленность (обеспечение достатка в доме и конкретных сферах хозяйственной деятельности членов семьи), общие мотивы, временные моменты обрядового комплекса, его компоненты (например, *коледарски кравај* для участников ритуальных обходов и др.). Большое число наименований главного обрядового хлеба обусловлено названиями праздников или их отдельных дней и значимых отрезков суточного времени. С различными названиями Сочельника, Рождества и Нового года связаны сербские, болгарские и македонские обозначения каравая, который выпекают и употреб-

ляют в эти дни в пищу; к этому типу номинации относятся наименования с корнем ⁺*badnj-*, ⁺*božić-*, ⁺*kolęd-(*kolęd-)*: их дериваты имеют разные ареалы в балканославянских культурно-языковых зонах. Ряд названий главного обрядового хлеба связан с основными мотивами какого-либо праздника или календарного цикла. Для славянского рождественского цикла – это мотивы «счастья», «веселья» («радости»), «здоровья», «богатства». Мотив счастья и процветания дома отражен в названии главного сербского рождественского хлеба *чесница* (от **čest=čast* в значении «счастье, удел»). Возможно также употребление южнославянской лексемы *sreća* «счастье» (древнее образование от *sresti < *sřěsti* 'встретить') в синонимических вариантах названия этого хлеба из восточной Сербии: *срѣћа* (Засчар), *срѣћка* (Болевац). Как правило, в *чесницу* запекается монета или предметы, символизирующие различные сферы хозяйственной деятельности (например, замешивают в тесто щепочки от примыкающих к дому построек, кусочки овечьей шерсти, зерна фасоли, кукурузы, тыквы и т.п.). При преломлении хлеба во время ритуальной трапезы следят за тем, кому достанется тот или иной знак в куске, поскольку это сулит удачу в соответствующем виде хозяйственных работ. Термин *чесница* как обозначение хлеба с запеченной монетой или знаками для определения судьбы распространен в центральной части южнославянского культурного континуума; на периферии этого названия данного типа хлеба, а именно на востоке и юге (юго-восточная часть Сербии, западная Болгария, Македония), возможно использование родовых наименований хлеба (*пита*, *погача*, *кравај(ћ)* и т.п.), реже некоторых специальных (сакрально маркированных) названий, например, в Пирине *боговица* может быть «хлеб с запеченной монетой». На территории Болгарии в целом приготовление хлеба с запеченной монетой и / или с другими знаками для гадания характерно для западной ее части и, как показывает представленная в работе карта, отчасти в южных областях.

Значительное место в терминологии рождественских хлебов занимают наименования, связанные с хозяйственно-бытовой сферой жизни членов семейства, дома. Лексика, обозначающая реалии повседневной жизни людей («дом», «поле», «плуг», «корова» и под.), используется в качестве названий фигурного хлеба или небольших булочек (лепешек, калачей) с соответствующими символическими украшениями на поверхности, реже – караваев (в данном случае – хлеба среднего размера разной формы) с пласти-

ческими украшениями. Ритуальная практика выпекать фигурный хлеб, обозначаемый посредством сельскохозяйственной лексики, известна практически повсеместно в южнославянской традиции. Вместе с тем, выпечка большого числа разнообразных хлебцев (в северо-восточной Сербии имеющих специальное общее название *закони, закончићи, законице*) характеризует сербско-болгарское пограничье, прежде всего северную его часть (включая Пиротский и Лесковацкий края в Сербии, Софийский край – в Болгарии). По мере удаления от этой зоны интенсивность использования символики фигурного хлеба ослабевает: выпекается небольшое число их типов, ограниченное (около трех определенных видов) или минимальное (до одного-двух).

Картографирование названий сжигаемого в рождественскую ночь полена – «бадняка» – в пространстве южнославянского культурно-языкового континуума показывает, что наименования типа *бадњак* известны всем южным славянам, включая словенцев. При этом обычаи с «бадняком», как и сам термин не фиксируются в крайних северных регионах Южной Славии: на всем левобережье р. Савы в Словении (Штирия и примыкающие области) и в северной части черноморского побережья у болгар. В центральной зоне Южной Славии (западная Сербия, восточная Босния и Герцеговина, Черногория) достаточно компактный ареал формируют табуированные названия рождественского полена, связанные с корнем **vesel-*. В периферийных зонах, на крайнем западе (западная Словения, п-ов Истрия в Хорватии) и на востоке (Пирин в юго-западной Болгарии) отмечаются два типа названий, во-первых, непосредственно соотносимые с антропоморфным образом «бадняка»: ю.-з.-болг. *дедник, бабка*, во-вторых, наименования с общим родовым значением ‘полено’, ‘пень’, ‘ствол дерева’, ‘основание срубленного дерева’, ‘корень’, ‘балка’: словен., хорв. *čok*, з.-хорв. (о. Крк, Хорватское Приморье) *kerj, krlj*, ю.-хорв. (о. Брач, о. Хвар) *hreb*, ю.-з.-болг. (Пирин) *чикор*, з.-болг. (Кюстендилский край) *прекладник*. Ряд словенских и болгарских названий «бадняка» – производные от наименований рождественских праздников: словен. *božič, božičnik*, ю.-з.-болг., в.-болг. *коладник*.

Многочисленные дериваты от **badnjak (badnik)*, как правило, связаны с антропоморфным восприятием «бадняка» в народной культуре южных славян. В ряде регионов центральной Сербии, а также на юге Черногории в рождественскую ночь в очаг торжественно возлагаются *бадњак* ‘мужской бадняк’, *бадњачица*

(*бадњарица, бадњача*) ‘женский бадняк’, *бадњачићи* ‘дети бадняка’. Ритуальные действия с рождественским поленом, отражающие отношение к нему как к живому существу, среди которых особо выделяются символические формы кормления полена («ужин для бадняка»), в целом характерны для западной части Южной Славии. Для сербско-болгарского пограничья (регион Заечара, Княжеваца, Пирота, Сврлига в Сербии и северо-западная Болгария) и регионов среднего и нижнего течения р. Южная Морава (регион Алексинаца, Лесковаца) характерен особый ритуал с рождественским поленом, подчеркивающий статус этого сакрального предмета: его, как человека, одевают (или «пеленают», заворачивают) в чистую мужскую рубашку, обычно – белого цвета. Как показывает карта, наиболее полный набор ритуальных действий, отражающих отношение к «бадняку» как к высшему антропоморфному существу характеризует западную Болгарию, восточную, южную, центральную и западную Сербию, восточную Боснию и Герцеговину и Адриатическое побережье. Обычай рубить «семью бадняка» сужает данный ареал до центральной, западной и южной Сербии и архаических областей Черногории; аналогичную конфигурацию, со смещением на запад (включая восточную Боснию и Герцеговину и исключая южную Сербию), имеет ареал наименований рождественского полена от **vesel-*, **rad-* (например, з.-серб. *весельак*, ю.-герцеговин. *радован*).

Распределение наименований ряженных процессий, рождественско-новогодних и масленичных, от **star-*, **děd-*, **bab-* показывает концентрацию терминов, обозначающих всю процессию колядующих (например, серб. *дедови, диди* и под., болг. *бабари, старци* и под.), на периферии распространения диалектов сербскохорватского языка и на юге южнославянского ареала в целом. Отдельную группу балканославянских терминов зимних обрядовых обходов составляют наименования от **surva*, характерные для восточной части южнославянского диалектного континуума и показывающие его «вертикальное» членение. На большей части распространения термина (и его вариантов) фиксируется его функционирование в качестве обозначения групп колядующих (чаще детей – мальчиков от 4 до 12 лет; на востоке Болгарии – неженатых парней; в центральных областях известны оба типа возрастных групп), которые преимущественно в день Нового года обходят дворы с кизилowymi (или иными) прутиками в руках, дотрагиваясь ими до людей, скота, построек, передавая всем окружающим

объектам оплодотворяющую силу и высказывая благопожелания. Именно такой традиционный тип обходов, обозначаемых терминами от ⁺*surva*-, повсеместно распространен в Болгарии и отчасти в Македонии. На восточной периферии функционирования термина (юго-восточная Сербия, средняя западная Болгария, восточная Македония) известны иные типы новогодних процессий: ряженных, имитирующих свадьбу; дружин без масок и др. (серб. *сировари*, болг. *сироваскаре*, макед. *суроваскари*). В Македонии фиксируется функционирование терминологической лексики от ⁺*surva* в ритуальной речи новогодних дружин колядующих, называемых иначе: *мамалари*, *василичари* и др.

В комплексе балканославянской масленичной обрядности рассматриваются обычаи разжигания костров и факелов, показывающих деление на восток и запад и имеющих различные терминологические обозначения. В восточной части обнаруживаются также компактные зоны бытования таких наименований масленичных костров и факелов, как *ората-копата*, *оратник* (южная Болгария), *олалија*, *олалия* (северная Болгария, восточная Сербия), *стрельник*, *машалган*, *куркулник*, *паликош* и др. на территории Болгарии. Важным фактором ареалогической характеристики здесь оказывается временная приуроченность ритуальных действий: на востоке и крайнем западе Южной Славии характерно возжигание ритуального огня на масленицу, в западной части – летом, в период от дня св. Иоанна до дня св. Петра. При этом в центре южнославянского культурно-диалектного континуума выделяется ареал наименований *лила*, обозначающих летние ритуальные факелы. В «буферной» зоне, на западе от основного ареала бытования масленичных костров и факелов (центральная Сербия, Срем), также фиксируются отдельные случаи разжигания масленичного огня, наименования которого отсутствуют или носят единичный характер.

Культурная терминология, связанная с приходом марта в балканском календаре, отражает необычные погодные явления, о которых в народе бытуют поверья и легенды. Важное место среди них занимает легенда о «мартовской» старухе, которая, не дождавшись весны, отправляется со скотом на пастбище. Версии легенды, как и обслуживающая ее культурная лексика, связанная с обозначениями месяца, его первых или последних дней, переменчивой погоды в марте (ср. серб. *баба-марта*, *бабини дани*, макед. *бабини дни*, болг. родоп. *бабънѣтъ дени* в значениях ‘холодные

или переменчивые дни со снегом в марте'), широко известны на востоке Южной Славии и имеют хождение в центральной ее части, что свидетельствует о проникновении типично балканских культурно-языковых явлений достаточно далеко на запад южнославянского ареала. Как показывает карта, в восточной (болгарско-македонской) и западной (сербско-черногорско-боснийско-хорватской) его частях наблюдаются как сходства, так и существенные различия в терминологии, обозначающей дни и погодные явления, что отражает определенные отличия и в самих поверьях. С персонификацией месяца марта связаны также характерные для востока Южной Славии обычаи вывешивать красное полотно в первый день марта («чтобы порадовать бабу Марту»), изготавливать специальные амулеты-украшения из ниток или пряжи (например, «чтобы защититься от бабы Марты»).

Картографированию элементов фольклорного текста посвящен очерк о географии содержательных и формальных компонентов весеннего заклинания в день св. Иеремии, празднуемого для защиты от змей в центральной части Южной Славии (включая западноболгарские регионы). Ареально противопоставленными оказываются различные краткие и полные версии отгонного заклинания. Вариант «Иеримия в поле – змеи в море!» в расширенной версии включает заговорный мотив о гибели последней оставшейся змеи, а вариант «Убегайте, змеи...» оказывается зачином полного текста с картиной устрашающей расправы над гадами, в которой св. Иеремия выступает в роли их палача. Второй вариант характерен для востока этой зоны в целом (западная Болгария, Македония) и в полной версии имеет компактное распространение в Македонии и македонских селах Греции, тогда как первый – известен в Сербии, восточной Герцеговине, западной Болгарии, при этом полная версия фиксируется в центре этой зоны (Шумадия, западная Сербия, Ибар, Копаоник).

Весенне-летние девичьи ритуальные обходы села, серб. *лазарице* (*лазарѝе* и т.п.), болг. *лазарки* и серб., в.-хорв. *кральнице*, з.-хорв., словен. *ladarice*, словен. *ladavice*, *kresnice* в ареальном аспекте рассматриваются как единый тип девических обрядов, имеющих общую семантику и структуру. Представленное на карте распределение наименований обходов свидетельствует в пользу концепции С. Зечевича о возможном развитии обряда *лазарице* / *лазарки* (занимающих восточную часть Южной Славии, но не охватывающих северо-восточную Болгарию) из обрядовых игр

краљице после расселения славян на Балканах и частичной христианизации обряда⁶. Греческое влияние сказалось, прежде всего, на самом названии обряда и его временной приуроченности в рамках весеннего календаря к Лазаревой субботе, тогда как архаическое содержание обхода (магическая направленность на плодородие и др.) осталось общим для всех видов весенне-летних девических обходов, что отражается в особенностях их исполнения – непрерывном движении и танце. Одной из наиболее древних форм обряда в восточной части Южной Славии, можно считать вариант «лазарок» *буенец*, фиксируемый в северо-восточной Болгарии: по особенностям исполнения обряд имеет много общего с «красавицами» (распределение ролей, ряжение в мужскую одежду, «оружие» как обрядовый реквизит и пр.), а его название отражает общую для всех видов южнославянских весенне-летних девических обходов архаическую семантику движения, «буйного» танца.

Весенне-летний окказиональный обряд вызывания дождя, совершаемый у южных славян преимущественно девочками или девушками, известен практически на всей территории Южной Славии (у хорватов, сербов, македонцев, болгар), а также неславянским балканским народам – грекам, албанцам, румынам. Этнолингвистическая карта отражает противопоставление наименований обряда в восточной, центральной и западной частях южнославянского культурно-языкового континуума и показывает постепенное исчезновение обряда по мере движения на запад (так, у словенцев фиксируется единичное свидетельство исполнения обряда, без названия). Географическое распределение названий типа *додола* — *прпоруша* / *неперуда* показывает тяготение последних к окраинным (периферийным) зонам сербских и хорватских диалектов; преимущественное распространение терминов типа *неперуда* в Болгарии; центральную локализацию наименований *додола* и под. в Южной Славии (Сербия, восточная Хорватия, средняя западная и юго-западная Болгария, Македония). Западная Болгария в целом, восточная Сербия и Македония представляют собой переходный пояс явлений, где названия обряда вызывания дождя (и / или главной участницы обряда) *додола* и *неперуда* функционируют параллельно. Компактную зону распространения в сербско-болгарском пограничье образуют архаические термины типа *ро-*

⁶ *Зечевић С.* Српске народне игре. Порекло и развој. Београд, 1983. С. 71.

соманка, на юго-западе Македонии — *ој-лиле* и под. в тех же значениях.

Второй раздел этой главы диссертации «Семейная обрядность» посвящен темам жизненного цикла обрядов; здесь рассматриваются явления родинной (подразделы «Женский праздник по случаю рождения ребенка», «“Рубашечка”», «Послед»), свадебной («Ребенок – участник свадьбы») и похоронно-поминальной обрядности («Плач, голошение по умершему», «Поминки после погребения покойного», «Поминки в течение календарного года»). Карты по народной терминологии южнославянских голошений показывают распределение внутренней формы наименований; по этим признакам определяются центральная и латеральная зоны Южной Славии (соответственно **kuk(a)-* и **plak-*), особенности западной части Южной Славии в широком и узком смысле этого понятия (соответственно **jauk(a)-* и **jok(a)-*), специфика черногорского региона (*lelek-*). Наименования с внутренней формой ‘горевать, скорбеть’ от **tqg-* (серб. *тужити*, макед. *тажи*, болг. *тъжа*) и **žal-* характеризуют центральную часть Южной Славии, причем формы от **tqg-* также обнаруживают тяготение к южным (периферийным) частям центрального ареала Южной Славии, что особенно заметно при сопоставлении их употребления в синонимической (или антонимической по какому-либо микрополю) паре с **kuk(a)-* (центр) и вне ее (периферия). Наименования с внутренней формой ‘перечислять’ и ‘называть’ (от **rēd-*, **broj-* и **narek-*, **naric-*) относятся, прежде всего, к обозначению собственно причитания (как жанра устного народного творчества); их распределение в южнославянском культурно-диалектном пространстве показывает деление его на восточную (**rēd-*) и западную части (**broj-*, **narek-*, **naric-*), причем термины от **broj-* характеризуют центральную часть Южной Славии. Наименования с внутренней формой ‘петь’ (от **pēti*, родоп. *kord-*), ‘кричать’ (**vik-*), ‘выть’ (**vi(j)-*), относящиеся в большей степени к определению способа исполнения причитания, при наложении на карту определяют компактные ареалы преимущественно в восточной части Южной Славии: южный балканославянский пояс (**pēti*) с ярко выраженной родопской спецификой (*kord-*); южную (**vi(j)-*) и северную (**vik-*) части сербско-болгарского пограничья.

Календарная приуроченность и содержательное обрядовое наполнение поминальных дней зависит прежде всего от конфессиональной принадлежности этнических групп на современной

территории Южной Славии, тогда как в диалектной терминологии поминальных праздников обнаруживается сходство лексических единиц и номинативных моделей их образования. В православном календаре сербов, болгар, македонцев поминальный день, отмечаемый от двух до трех раз в год накануне больших дат и праздников, обычно в канун Великого поста, Троицы и дня св. Димитрия, как правило, обозначается термином (*за*)душница (ю.-болг. *одуше*). Компактный ареал наименований, происходящих от **mьrtvъ*, наблюдается только на македонско-болгарском пограничье и в южной Македонии (макед., болг. *мртвин*, *мртвен*, рл. *мртви* (дни), *мртвени* (дни) и под. На территории Хорватии у католиков на Адриатическом побережье находим продолжение изоглоссы наименований с корнем **mьrtvъ*: *Mrtvidan* и под., в значении ‘день памяти мертвых’; тот же тип терминологической лексики прослеживается в Пригорье, в Славонии, у католиков-буневцев в Бачке (*mrtvi god, dan*), что свидетельствует о распределении лексики данного типа по принципу центр – периферия и указывает на факт сохранения архаического слоя поминальной терминологической лексики в католической народной традиции на западе Южной Славии.

В третьем разделе «Н а р о д н а я м и ф о л о г и я» представлена система народных демонологических представлений южных славян; ареально-типологическим анализом охвачены практически все основные классы южнославянских демонологических персонажей в разделах: «Вила», «Вампир», «Ведьма», «Демонгерой и его противники», «Демон-хозяин места», «Дух некрещеного ребенка», «Демоны, определяющие судьбу». Распределение демонологической лексики и соответствующих мифологических образов в пространстве Южной Славии подтверждает противопоставление восток – запад, центр – периферия, указывает на постепенное ослабление характерных балканских культурных, семантических и лексических особенностей по направлению от востока к западу, позволяет выделить ряд компактных южнославянских ареалов.

Так, терминологическая лексика, обозначающая персонажей типа «вила», четко членит территорию Южной Славии на восток (*вила*) и запад (*самовила, самодива*). Наборы характеристик персонажей этого типа в пространстве Южной Славии во многом различаются, имея, однако, одну общую категориальную основу, что и позволяет их рассматривать как один класс персонажей. Очевидным представляется тот факт, что набор «балканских» ха-

рактистик «вилы» находит различного рода продолжения на западе южнославянской территории: явление персонажа вместе с ветром, вихрем; поверья о совместных танцах и трапезах персонажей; опасность посягательства на принадлежащие им владения, предметы (например, деревья). Как показывают карты, концентрация всех этих признаков отличает восточную (балканославянскую) часть южнославянского ареала, а распространение в сторону западной части может иметь характер открытой, точнее мобильной границы, проходящей либо по юго-восточной Сербии, либо по восточной Сербии (правобережье Моравы), либо по территории восточной Герцеговины, либо — Боснии и Далмации. Возможны также и локальные «оазисы» так называемых «балканских» признаков на территориях Хорватии и Словении. Вместе с тем, некоторые западные южнославянские мотивы, например, о «вилах»-строительницах, о «вилах» с конскими (ослиными, козьими) копытами носят локальный характер и практически не встречаются в восточной части территорий. Отдельные признаки, известные в восточной части ареала (например, о вилах-кормилицах), получают иное, более яркое, выражение в центральной части ареала, например, представления о людях с чертами «вил» (*виловити људи, виљењаџи*) в западной Сербии и восточной Герцеговине. Изложенные наблюдения ареального плана свидетельствуют о направлении распространения, а быть может, и об экспансии «балканских» признаков с востока на запад, несмотря на кажущуюся замкнутость и действительно особенную специфику балканославянского культурного пространства.

Для обозначения покойного, который встает по ночам из гроба с целью нанести какой-либо вред людям, скоту, хозяйству, на территории Южной Славии используются преимущественно два типа названий: на востоке — ⁺*вампир* (болг. *врапир, вопер, вапирин* и под., с.-х. *лампир, лампујер* и под.) и на западе — ⁺*вукодлак* (словен. *volkodlak, kodlak, okodlak, kodlakon, vokaldak* и под., хорв., босн. *kodlak, kudlak, kozlak*). Широкий пояс параллельного употребления названий в данном значении находится на территории восточной Боснии (Посавье, Маевица, Жепче, Височка Нахия, Гласинац) и восточной Герцеговины (Требине, Невесине, Гацко), хотя в некоторых пунктах отмечаются варианты значения, связанные с неполным совпадением семантических полей параллельно существующих лексем для обозначения мифологического образа вампира. Западная зона, характеризующаяся употреблением лексемы

⁺*вукодлак* в значении ‘вампир’, представляет собой сплошной широкий ареал (Босния, Герцеговина, Хорватия), на пограничье которого и с востока, и с запада наблюдаются «переходные» явления: параллельное функционирование лексем ⁺*вукодлак* и ⁺*vampir* для обозначения одного и того же персонажа или сходных персонажей (восточная Босния), употребление лексемы ⁺*вукодлак* в исконном славянском значении ‘волк-оборотень’ (Словения). На всей территории «восточной» части, т.е. на территории преобладающего распространения лексемы *вампир*, фиксируются компактные микроареалы более редких наименований вампира: ⁺*дракус*, ⁺*джин*, ⁺*плтеник*, ⁺*тенъз*, ⁺*сениште*, ⁺*гробник*, ⁺*таласъм*, ⁺*устрел* и др. Что касается функций самого мифологического персонажа, то здесь отмечается тенденция к усилению вредоносности и «кровожадности» демона в центре и на западе южнославянского территориального континуума, тогда как на востоке (восточная Сербия, Македония, Болгария) образ вампира не всегда имеет черты «пьющего кровь людей покойника».

Среди южнославянских названий, обозначающих ведьму, прежде всего, выделяются термины, связанные со сверхъестественными способностями человека (типа серб. *вештица*, от слав. ^{*}*věšťь*) или колдовством (типа болг. *маг’осница*, от греч. μάγισ; хорв. *сopница*, от нем. *zaubern* ‘колдовать’). Славянское название ведьмы от ^{*}*věšťь* известно в той или иной степени всем южным славянам и, по всей видимости, является исконным древним культурным термином, наряду с наименованиями с семантикой ‘отбирать’, ‘переманивать’ (от *мам-* и др.) в южном балканославянском поясе, тогда как термины типа *маг’осница* представляют собой инновационное балканское явление в восточной части южнославянского культурно-языкового континуума. Компактный центральный ареал образований от ^{*}*čin-*, возможно, является еще одним знаком южнославянского достаточно широкого центра в противопоставлении периферии, где подобные названия не фиксируются.

Подробный анализ терминологии и соответствующих образов змееподобных мифологических персонажей показывает достаточно подвижную западную границу культурно-языковых явлений, проходящую через западную Сербию (мотив борьбы змееподобных погодных демонов), восточную Герцеговину (функционирование термина *ала*), Хорватию, Боснию (*аждаја*). Определяется зона бытования термина *ламя* (*ламија*) на юге восточной части

Южной Славии, компактные ареалы этиологических легенд, связанных с этим мифологическим образом; семантических доминант самих лексем ⁺(h)ala / ⁺lamija / ⁺aždaja, функционирующих также и вне сферы народной мифологии ('проявление стихии', 'прожорливый, ненасытный' и др.).

Представления о духе-защитнике места, именуемом посредством терминов с семантикой 'хозяин', а также ⁺таласом, ⁺сен-, характеризуют восточную часть южнославянского культурно-языкового континуума. Термины типа *таласом* распространены в Болгарии, Македонии, встречаются в восточной Сербии, единично – в восточной Боснии; *стопан* в значении 'дух-защитник места' – преимущественно в южной Болгарии, ю.-серб., макед., болг. *сай(ј)бия(ја)* как 'демон-покровитель места' отмечается в южной Сербии, Македонии, юго-западной и южной Болгарии (Пирин, Родопы).

Картографирование названий демонов-духов некрещеных младенцев показывает культурно-диалектное членение южнославянского территориального континуума на центральную и периферийную зоны, восточную и западную, определяет контуры южного балканославянского клина (Македония, западная Болгария, юго-восточная Сербия). Эта картина особенно показательна в плане соотношения лингвистического и экстралингвистического контекстов: на всей территории южных славян мифологический персонаж имеет одинаковые основные характеристики (облик птицы, звуковой портрет), тогда как обозначающая его терминологическая лексика оказывается дифференцирующей для определения культурных диалектов Южной Славии.

Класс демонов, определяющих судьбу человека при рождении, достаточно четко выделяется в южнославянской народной мифологии, а также в неславянских балканских традициях. Большинство наименований связано с основной функцией этих мифологических персонажей – определять судьбу, «присуждать» счастье или смерть, «изрекать» предсказание, определять, откуда наиболее многочисленные термины с соответствующими корнями: ⁺суд-, ⁺рек-/⁺реч-, ⁺(о/у)рис-. Картографирование терминов – дериватов от трех основных типов лексем с общей семантикой 'присуждать, нарекать, определять' (⁺суд-, ⁺рек/ч-, ⁺(о/у)рис-) показывает весьма четкое их распределение в южнославянском культурно-диалектном пространстве, в котором по данному признаку определяется противопоставление восток / запад – типы

о/урисница (из греч. $\alpha\rho\acute{\iota}\zeta\omega$ 'определять, ограничивать') и *наречница* на востоке (преимущественно болгарско-македонская часть), тип *суђеница* на западе (от западной Болгарии и северной Македонии до Крапя на западе Словении), южный балканославянский пояс с преобладанием типа *наречница*. Другой тип наименований связан с корнем † *род-* и фиксируется лишь на крайнем западе южнославянского континуума и на востоке Сербии: с одной стороны, как *rojenice* – в Словении (Штирия, Словенска Бистрица, Козьянско, Доленско), в кайкавской Хорватии и в Истрии, с другой стороны, как *уродушиће, урудушиће* (pl.) в архаичной зоне Пиротского края.

Глава III «Южнославянские ареалы» строится таким образом, что сначала исследуется восточная часть Южной Славии – в противопоставлении западной части («Восток и запад южнославянского диалектного пространства») и как сложное ареальное образование, состоящее из взаимосвязанных ареалов: сербско-болгарского пограничья («Сербско-болгарское пограничье»), македонского ареала, южного македонско-восточносербско-западноболгарского клина («Македонский ареал в окружении южнославянских традиций»), южного балканославянского пояса («Южный балканославянский пояс»). Затем рассматривается крайняя западная часть Южной Славии, где прослеживаются как общие элементы для всех южных славян / для всей западной части, так и своя особая специфика («Южнославянский запад – общее и особенное»). Этот фронтальный анализ южнославянских ареалов позволяет перейти к определению культурно-языковых (лексических, семантических, экстралингвистических) соответствий на крайнем западе и востоке, т.е. к признакам, характеризующим периферийную (латеральную) и центральную зоны («Центральная и латеральная зоны южнославянского лингвистического пространства»). Такое построение исследования в определенной мере позволяет сконцентрироваться сначала на более очевидных противопоставлениях (запад – восток), во многих случаях связанных с балканскими инновациями на востоке, а затем обратиться к противопоставлению «центр – периферия», обусловленному более ранними процессами расселения славян на Балканах.

Каждый из разделов предваряется краткой лингвистической характеристикой ареалов, устанавливаемой на основе известных диалектных данных в области фонетики и грамматики. Далее описание южнославянских ареалов осуществляется на основе эт-

нолингвистических признаков, которые последовательно и подробно представлены по темам в каждом разделе, посвященном какому-либо ареалу. Комплексом признаков характеризуется тот или иной культурно-языковой ареал, его границы и взаимосвязь со смежными ареалами. Нельзя не отметить некоторую условность выделяемых ареалов, связанную с неограниченной множественностью возможных комбинаций картографируемых признаков, поэтому основным показателем при выявлении того или иного ареала становится высокая степень частотности фиксации разных признаков на приблизительно одной и той же территории, границы которой определяются пучками изоглосс и изодокс.

В разделе «Восток и запад южнославянского диалектного пространства» показано традиционное членение южнославянского диалектного пространства, которое имеет так называемый «меридианальный» характер, т.е. линии изоглосс проходят с севера на юг, расходясь веером в зоне распространения македонских диалектов. Эта общая картина, подробно описанная и представленная на картах П. Ивичем,⁷ основана на изучении фонетических и грамматических признаков, свойственных южнославянским языкам (диалектам). На востоке первое вертикальное деление проходит по р. Искыр (Болгария) и характеризует «ятевую» границу (рефлексы *ѣ*). Это деление имеет весьма существенное значение и для этнографических исследований, в том числе в области духовной культуры южных славян, что было замечено болгарскими учеными-этнографами и последовательно ими фиксируется при объяснении множества различий в рамках географии болгарского этноса; наиболее яркий пример – работы Ст. Генчева о поминальном обряде. Следующая вертикальная граница проходит через сербско-болгарское пограничье и определяется пучком, сгущением близко проходящих изоглосс, которые отделяют сербско-болгарское пограничье с одной стороны от основного массива болгарских диалектов (совпадение в одном звуке *Ъ* и *Б*; **t*' не идентично **sk*', **st*'; номинатив мн. ч. личного местоимения 1 лица *ми*, *мие*, а не *ни*, *ние*; окончание мн. ч. 1 лица глагола *-мо*, а не *-м*, *-ме*), с другой – от основного массива сербских диалектов (отсутствие количественных оппозиций в системе гласных; наличие постпозитивного члена; аналитический тип склонения).

⁷ *Ивич П.* Изабрани огледи. I. О словенским језицима и дијалектима. Ниш, 1991. С. 168-169.

На территории западной Болгарии указанные изоглоссы почти сливаются, образуя плотную линию – границу диалекта, в то время как на территории Сербии такой признак, как наличие постпозитивного члена, значительно сужает область данного восточносербского диалекта, называемого «тимокским» или «торлакским», а два других (отсутствие количественных оппозиций в системе гласных и аналитический тип склонения) – расширяют до зоны косовско-ресавских говоров (т.е. юго-восточных и восточных). Двигаясь далее на запад южнославянской языковой территории, можно наблюдать достаточно разреженные в пространстве изоглоссы фонетического и грамматического порядка. Очередной пучок изоглосс находим на хорватско-словенском пограничье: переход **d* в *j*, объединяющий кайкавщину с чакавщиной и отделяющий их от массива штокавских говоров сербскохорватского языка; характерный для основной части словенских диалектов переход **zg'*, **zd'* в *ž*, *ž*.

Далее в этом подразделе рассматриваются те аспекты терминологии и ее этнокультурных характеристик, которые составляют основное членение по принципу восток / запад. Выделяются такие этнолингвистические признаки, как новогодний обряд «сурвакане» традиционного типа (т.е. обход домов детьми с плодоносящими прутиками, но не иные формы новогоднего обхода, связанные с ряжением, имитацией свадьбы, имеющие несколько более широкое распространение в рамках того же восточного ареала и охватывающие территорию юго-восточной Сербии), использование амулета *мартеница* (*марта*) (редкими являются иные названия амулета), обычай вывешивать красную ткань в день первого марта для «Марты», девичьего обрядового обхода *лазарице* (*лазарки*), празднование «волчьих» дней (причем изолекса дериватов наименований праздника от **vǫlk-* проходит через западную Болгарию, а изодокса – через восточную Сербию, где распространены наименования типа *Мратинци*) и другие, в сфере семейной обрядности и народной мифологии. Балканский характер, или характер балканских инноваций, целого ряда отмеченных признаков определяется наличием тех же признаков в балканских неславянских традициях и отсутствием таких в традициях Северной Славии (восточнославянских и западнославянских).

Пограничные зоны балканославянского ареала характеризуются рядом уникальных признаков, обусловленных их местоположением на пересечении культурно-языковых традиций.

Сербско-болгарское пограничье – яркий пример взаимопроникновения разных, хотя и генетически родственных, традиций, поэтому здесь обнаруживается высокая степень лексической дивергенции терминов, сосуществование признаков, присущих разным культурно-языковым ареалам. Вместе с тем, сербско-болгарское пограничье характеризуется определенной самостоятельностью по отношению как к сербскому, так и к болгарскому ареалу. Многие черты, отмечаемые, с одной стороны, в восточной Сербии, а с другой стороны, в западной Болгарии, отсутствуют на остальной территории соответственно Сербии и Болгарии. Именно в этой зоне находим большой комплекс архаических культурно-языковых признаков, а по отношению ко всей западной части южнославянского ареала – большое число балканизмов, традиционно называемых «инновациями».

Несмотря на свою компактность, эта зона имеет свое внутреннее диалектное и культурно-языковое членение. По данным этнолингвистического картографирования, внутреннее деление ареала показывает прежде всего противопоставленность севера (Ресава, Хомолье, Заглавак в восточной Сербии, р-ны Видина, Белоградчика, Врацы, Лома, Берковицы, Оряхова) югу (Буджак, Лужница, Нишава, Пиротский и Враньский края в восточной Сербии, Бурел, Граово, Кюстендилский и Софийский края, Каменица, Разлог в западной Болгарии; по сути юг плавно переходит в македонско-болгарское пограничье), тогда как различия в плане восток / запад чаще всего затрагивают явления, разделение которых характерно не только для сербско-болгарского пограничья, но и для всего южнославянского диалектного континуума. И напротив, северная и южная части ареала могут быть выделены по набору признаков, которые, либо присущи только этим подзонам (например, *лада* – ложная невеста, *росоманка* – обряд вызывания дождя; названия ребенка-участника свадьбы, образованные от *пши(а)* ‘качать, колыхать’; название *сировари*, *сироваскаре* как обозначения ряженых, имитирующих свадебную процессию, и др.), либо показывают общность данных подзон с более крупными ареальными массивами в рамках южнославянского континуума (север – с центральной Сербией, Банатом, северной Болгарией и даже румынскими областями; юг – с юго-восточной Сербией и Македонией, юго-западной и южной Болгарией).

В первом случае наблюдаются и такие черты, которые оказываются на пересечении севера и юга в зоне сербско-болгарского

пограничья, образуя небольшие пересекающиеся ареалы, которые при картографировании «покрывается» все пространство сербско-болгарского пограничья. Во втором случае ареал сербско-болгарского пограничья определяется по наибольшей концентрации выделяемых этнолингвистических признаков, в меньшей степени фиксирующихся за его пределами: названия дня св. Андрея типа «Медвежий день» (в.-серб. *Мечкин дън*, *Мечѣн дън*, з.-болг. *Мечкин ден*) и соответствующие обычаи задабривания медведя, известные и вне этого ареала в северных областях Сербии и Болгарии; обычай приготовления большого количества святочных хлебов малой формы, символизирующих различные сферы хозяйства – наиболее разветвленная система названий характерна для сербско-болгарского пограничья в северной его части, по мере удаления от этой зоны на восток и запад количество выпекаемых святочных хлебцев разной формы уменьшается, их лексические обозначения – менее выраженными; ритуал жертвоприношения петуха *мратинче* в период «волчьих» праздников, концентрирующийся в северной части сербско-болгарского пограничья, но эпизодически встречающийся и в южной Сербии, и в северной Болгарии; известный в южной части сербско-болгарского пограничья обычай приглашения на рождественский ужин диких зверей, святых, Богородицы, Германа и пр., имеющий яркое продолжение в македонской традиции, что переводит проблематику данной ареальной конфигурации в плоскость вопросов всего южносербско-западноболгарско-македонского ареала; аналогичная ситуация с названием демонов типа *навје*, происходящих от умерших некрещеными младенцев, и др.

Македонский ареал в окружении южнославянских традиций представляет собой своего рода «перекресток» балканских путей коммуникации, путей лингвистического и культурного взаимодействия на Балканах. Именно этот ареал входит в качестве составной части в самые различные этнокультурные пояса и большие массивы этнолингвистического ландшафта: южносербско-западноболгарско-македонский и восточный балканославянский ареалы, южный балканославянский, средиземноморский, латеральную или периферийную (арханческую) зону южнославянского континуума, не говоря уже о его значении для собственно балканских ареалов, таких, как греко-македонско-албанский. Диалектологи подчеркивают «большую диалектную раздробленность» македонского языка, наличие «бо-

лее трехсот фонетико-фонологических и структурно-грамматических явлений, различным образом реализованных в диалектах», причем «некоторые диалектные особенности ограничиваются очень маленькими регионами»⁸ [Видоески 1998/1:39,79]. Как правило, неоднородную и вместе с тем информативно насыщенную, в том числе – богатую редкими архаизмами (особенно в периферийных говорах) картину можно наблюдать при рассмотрении функционирования в македонском ареале этнокультурной лексики и соответствующих экстралингвистических явлений.

В составе окружающих балканославянских традиций культурно-языковая традиция Македонии имеет свою специфику (см., например, исполнение обрядов *водичари*, *водичарки*; специфические заклинания на св. Иеремию, включающие натуралистическое описание расправы над змеями; святочные и масленичные приглашения ветра; семантику мифологического термина *стија* и др.) По комплексу разных признаков прослеживается связь македонского культурно-языкового ареала с юго-восточносербскими и западноболгарскими этнокультурными традициями (см. терминологию поминальных дней, названия отдельных весенних дней *баби(е)*, масленичный обычай «поджигания ведьмы» в игре с подвешенным яйцом и др.). Набор культурно-языковых характеристик может быть и таков, что позволяет говорить о балканском центре в рамках южнославянского пространственного континуума, включающем не только македонские, юго-восточносербские и западноболгарские области, но и черногорские, западно- и северносербские области (функционирование термина *додола* в обряде вызывания дождя; термина *повојница*, *повојница* в значениях ‘праздник по случаю рождения ребенка’, ‘дар новорожденному’ или ‘хлеб новорожденному’; специальных наименований женщин, приносящих хлеб на родину; исполнение обрядов изгнания змей на св. Иеремию и др.). По многим чертам выделяется так называемый южный пояс балканославянского культурно-языкового ареала (Македония, Пирин, Родопы, Странджа), в составе которого македонский ареал может иметь свою специфику (например, наличие специальной лексики, реализующей общие для всего южнославянского пояса концепты, в области народной мифологии, семейной обрядности: *презимачка* ‘ведьма’, *с(т)poj* ‘свадьба’). Ряд особен-

⁸ Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик. Т.1-2. Скопје, 1998. С. 39, 79.

ностей объединяет македонскую культурно-языковую зону с восточным (балканославянским) ареалом, в составе которого македонская часть также отличается своей спецификой (например, особенностями исполнения новогодних обходов, называемых *суровари*, бытованием этиологических легенд, связанных с мифологическим персонажем *ламја*, и др.).

Южный балканославянский пояс включает Македонию (преимущественно ее южные и юго-восточные районы) и южные области Болгарии: Пирин, Родопы, Фракию, отчасти – Странджу. Специфика этого ареала определяется, с одной стороны, его принадлежностью к латеральной, или периферийной, в широком смысле слова, южнославянской зоне (по М. Гавацци, к латеральной зоне относятся южная Македония, южная и восточная Болгария), с другой стороны, – соседством с греческими областями, создающим условия для образования зоны устойчивых контактов (особенно характерных для родопских и фракийских областей), а кроме того, и автохтонным развитием отдельных удаленных горных регионов (например, родопского). Конфигурация ареала имеет тенденцию к расширению на восток, т.е. в ряде случаев находит продолжение в северо-восточной зоне (Добруджа, Провадия), а вместе с тем – и на запад: в сторону южных областей сербско-болгарского пограничья (Буяновац, Вране, Пирот, Кюстендил), что свидетельствует о несомненной причастности сербско-болгарского пограничья, по крайней мере его южной части, к формированию так называемой южнославянской периферии.

В комплекс этнолингвистических признаков, характеризующих южный балканославянский пояс, можно внести: термины, обозначающие группы новогодних ряженных и образованные от славянских корней с семантикой семейно-родственных отношений ⁺*star*, ⁺*bab*, ⁺*děd*; названия периода святок как нечистых дней от ⁺*поган*- (бог. *погани дни* и под.); специфические названия масленичных костров и масленичной игры с подвешенными предметами; обозначения родовой плаценты с семантикой ‘последний’; терминологию погребальных голошений, отражающую способ их исполнения (внутренняя форма ‘петь’); похоронные обряды строительства «дома» на могиле; терминологическую лексику из сферы народной мифологии (⁺*јуда*, ⁺*наречница*) и др.

Проблема западной границы распространения балканских этнокультурных и этнодиалектных явлений – одна из интересней-

ших и до сих пор наименее освещенных в научной литературе. Наиболее плотный пучок изоглосс, собственно лингвистических и культурно-языковых, проходит в зоне пограничья Болгарии, Сербии и Македонии; другие более разреженные «вертикальные» изоглоссы обнаруживаются западнее, в частности – на востоке Славонии, Боснии, Герцеговины, ср. например, западное распространение лексемы *вукодлак* в значениях ‘волк-оборотень’, ‘вампир’. На самом западе южнославянского лингвистического пространства находится словенский языковой континуум и близко к нему примыкающие – хорватская кайкавская (лингвистические признаки диалекта в ряде случаев едины с соответствующими словенскими) и архаическая чакавская зоны. В отношении к балканской модели мира словенский ареал с примыкающей к нему частью кайкавских и чакавских говоров – западный хорватско-словенский ареал – есть некоторая «последняя» часть славянского культурно-языкового пространства, где «балканообразующие» признаки могут быть эксплицированы, и это в частности составляет то общее, что связывает восточную часть южнославянской культурно-языковой территории с западной.

«Общее» южнославянское в наборе культурно-языковых признаков западного хорватско-словенского ареала, таким образом, может быть, по меньшей мере, двух типов – специфически «балканского» типа, например, обычай «бадняк», мифологический образ «вилы» (хотя и в этих случаях существуют определенные аналогии с другими славянскими традициями, прежде всего – на показательном для диахронии лексическом уровне), и общеславянским, архаическим (например, названия ребенка-участника свадьбы, связанные с передачей его невесте на колени, в подол; названия сватов связанные с корнем ⁺*pros-*, названия дух-демона, происходящего от умершего некрещеным ребенка *navje*, и др.).

«Специфическое» для западного хорватско-словенского ареала (в совокупности южнославянских и балканославянских культурно-языковых признаков) выделяется во всех сферах традиционной народной культуры и обслуживающей их терминологии (народный календарь, семейная обрядность, народная мифология); при этом своеобразие самого западного ареала может касаться только самой терминологической лексики при их общем южнославянском содержательном наполнении (ср. словен., хорв. кайк. *rojnice* ‘женские демоны судьбы’, *coprnica*, *copernica* ‘ведьма’, словен., хорв. чак. *čok* ‘бадняк’ и т.д.).

Противопоставление центральной и латеральной зон южнославянского лингвистического (диалектного, культурно-языкового) пространства традиционно основано на выделении словенско-болгарско-македонских изоглосс, показывающих периферийные зоны лексических явлений, которые полукольцом окружают большой непрерывный континуум лексических явлений центра. Наиболее распространенная интерпретация этого феномена предполагает две волны славянских миграций на Балканы: ранней (периферия) и более поздней, разделившей южнославянский континуум на две части и составившей центр. По наблюдениям М. Гавацци, к латеральной зоне относятся: частично Словения, западная Хорватия, побережье Далмации, Черногория, южная Македония, южная и восточная Болгария; к центральной – большая часть Хорватии, Босния, Герцеговина, Сербия и западная Болгария.⁹ Такое общее деление южнославянского культурно-диалектного континуума нуждается в уточнении. Уже первые статьи Н.И. Толстого ‘Дождь’ и ‘Саламандра’ из серии «Из географии славянских слов» показали, что архаические лексические сходжения обнаруживаются в словенско-хорватской и восточносербской зонах, что впоследствии позволило ученому предположить, «что изоглосса центрального клина шла в прошлом севернее, чем теперь, а латеральные полосы были, вероятно, гораздо шире»¹⁰.

Данные исследования южнославянской этнокультурной лексики подтверждают не только наличие соотносимых явлений на крайнем западе южнославянской территории и в ее южной балканославянской зоне т.е. в Македонии, южной и восточной Болгарии, но и факт существования словенско-восточносербских параллелей. Это, прежде всего, касается лексем с корнем **nav-* (словен., *товје, tave*, макед. *нави, навјаци*, в.-серб. *навће*, з.-болг. *навјаци*) – обозначений мифологических персонажей в птичьем обличье, по поверьям, происходящих из умерших некрещеных детей, или же наименований болезни рожениц, на которых эти существа нападают (в центральной зоне в качестве названия данного персонажа фиксируется иная лексика, как правило, от корня *дрек-*: серб. *дре-*

⁹ *Gavazzi M.* Problem karakterističnoga razmještaja nekih etnografskih elemenata na Balkanu // *Comptes rendus du IV-e Congrès de géographes et des ethnographes slaves.* Sofia, 1936. P. 231-236.

¹⁰ *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасология. М., 1997. С. 235.

кало, дрекавац, дреко); семантики ‘колени’, ‘подол’ в названиях ребенка – участника свадебного ритуала при входе невесты в дом жениха: словен. *nakolenče, nakolenčič, (po)kolenček*, хорв. *nakilenče*, ю.-зап.-макед. *скутарче, наскутанче*, в.-серб. *ускутъяк, ускутъяче* (в центральной зоне преобладают названия с семантикой ‘конь’: серб. *наконче* и под.); релевантной экстралингвистической характеристики «появление персонажей типа *вила* с ветром, вихрем» при отсутствии таковой в центральной зоне) и др.

Для вопроса о центральной и латеральной зонах южнославянского культурно-диалектного континуума не менее важными являются многочисленные факты, на основе которых выделяется так называемый центр (и которые отсутствуют на периферии): функционирование термина *чесница*, обозначающего главный рождественский хлеб; наличие летнего обычая возжигания факелов *лиле / машале*; символика белого цвета в наименовании последнего дня масленицы и др. Таким образом, детальный анализ лексики и соответствующих экстралингвистических контекстов в сфере традиционной народной духовной культуры показывает более дробное деление восточной части южнославянского диалектного пространства, в частности, особую специфику архаической зоны сербско-болгарского пограничья, деление ее на северную и южную части с примыканием южной части к более широкому ареалу, охватывающему южную и юго-восточную Сербию, Македонию, юго-западную и южную Болгарию. Поэтому многие явления, наблюдаемые как в южном балканославянском поясе, так и в южной части сербско-болгарского пограничья, могут служить свидетельством явлений периферии.

Карты к главе II посвящены отдельным темам народной культуры; карты к главе III отражают картину южнославянских культурно-языковых ареалов; в книгу включены также дополнительные справочные карты ареалов, сделанные П. Ивичем, М. Гавацци на основании лингвистических и иных критериев.

Специальными комментариями сопровождается основной блок из 38 карт к главе II, где представлено распространение терминологической лексики, обозначающей различные явления из сферы народного календаря (18 карт), семейной обрядности (11 карт) и народной мифологии (9 карт). Помимо легенды к каждой из этих карт прилагается: а) карта пунктов фиксации материала (т.е. специальная цифровая сетка пунктов для географической презентации каждого из явлений), б) комментарий, в) перечисление

пунктов фиксации материала с указанием на источник и основное содержание картографируемых данных.

Необходимость приложения дополнительных карт с цифрами, соответствующими пунктам фиксации материала, была вызвана исключительно техническими причинами – стремлением избежать информативной перегрузки карт. Использование достаточно частой сетки в ряде карт связано как с разнородностью информации в используемых источниках, так и с попыткой отразить разнообразие явлений в одной локальной традиции, особенно зонах на стыке ареалов. Так, наличие какого-либо явления может быть отмечено на карте в локальной традиции края (например, в восточносербском регионе Горни Висок) или в одном или нескольких селах того же края (например, в с. Дойкинци, Брлог в регионе Горни Висок). Ссылка на источник и передача основного содержания картографируемых данных необходимы при картографировании материала из источников, разных по жанрам и целевой направленности. Это становится особенно важным при этнолингвистическом картографировании, когда на карту выносятся лишь релевантная для сопоставительного исследования характеристика обряда, ритуала, реалии и пр., а его описание, даже краткое, остается за рамками карты. Кроме того, этнографическая и иная информация данного раздела, не представленная на карте, в ряде случаев имеет ценность для будущего картографирования обычаев, обрядов, поверий с целью дальнейшего уточнения культурных диалектов Южной Славии. Таким образом, расширенный свод данных о картографируемых явлениях имеет самостоятельное значение как словесный вариант знаковой системы карты, что дает возможность проследить по тексту раздела развертывание в пространстве лексических форм термина либо его семантики, символики, мотивационных моделей и пр. Так, например, на сравнительно небольшой компактной территории южной и юго-восточной Сербии распространен термин ⁺*каравеиштица* (букв. ‘черная ведьма’) в значениях ‘масленичный костер’; ‘обычай жечь масленичный костер и прыгать через него’, представленный на карте как одно из многочисленных названий масленичного костра, в документации же к карте значения термина описываются подробно в соответствии с информацией источников по каждому пункту сетки карты.

В специальном комментарии к каждой из карт к главе II объясняется наличие лакун на карте, при этом специально отмеча-

ется отсутствие источников по какой-либо теме в отдельных регионах Южной Славии. Там же делаются отсылки к взаимодополняющим картам, даются необходимые сведения об использовании комбинированных знаков на карте, о причинах отклонения / привлечения отдельных источников при картографировании, о редких или единичных наименованиях, не внесенных на карту, и др.

Карты к главе III, включающие изолексы, изосемы и изодоксы, носят обобщающий иллюстративный характер. Они построены на основе карт к главе II, поэтому не сопровождаются обширным справочным аппаратом (несколько случаев внесения новой информации специально оговариваются в предисловии к картам).

В **Заключении** изложены основные результаты работы и намечены перспективы дальнейшего исследования. При изучении распространения южнославянской терминологической лексики народной духовной культуры в соотнесении с соответствующими экстралингвистическими факторами были выявлены **этнолингвистические единицы, подлежащие картографированию**. В ходе исследования установлено, что особую роль здесь играет выбор экстралингвистического признака, который берется за основу при ареальном сопоставлении лексических единиц, относящихся к какому-либо тематическому классу лексики традиционной народной духовной культуры. Предложен опыт определения типологически однородных явлений в сфере народной обрядности (семейной и календарной) и народной мифологии, наименования которых в каком-либо отношении (лексически, семантически, на уровне мотивации и т.д.) образуют противопоставленные в культурно-языковом пространстве ареалы. Так, например, праздник по случаю рождения ребенка в разных регионах Южной Славии может быть приурочен непосредственно к родам, к окончанию определенного периода после родов, к крестинам и т.д.; несмотря на различную лексику, отражающую в том числе и момент проведения праздника (например, словен. *krstitke*), общим, “объединяющим” признаком, по которому проводится географическое сопоставление данной лексики, оказывается мотивация обряда (рождение ребенка), а также основной набор его характеристик (трапеца, приход определенных обрядовых лиц, дарение и пр.). Не менее важным оказывается определение общего для ряда явлений признака при анализе терминологии народной мифологии, поэтому были выявлены ключевые признаки для корректного

картографирования южнославянских наименований таких персонажей, как вила; вампир; ведьма; дух-защитник места; мифический защитник земельных угодий, вступающий в борьбу с демонами непогоды; вредоносный змееподобный персонаж типа ⁺(х)ала / ⁺ламија / ⁺аждаја; дух умершего некрещеного младенца; демон судьбы.

В ходе исследования был определен корпус (перечень) этнолингвистических признаков, по которым определяются противопоставленные или компактные ареалы в пространстве Южной Славии. Этот перечень характеристик включает, во-первых, реальные (обрядовые) и ментальные (мифологические) явления традиционной народной духовной культуры; во-вторых, обозначающую их терминологическую лексику, а также семантику, символику и мотивацию рассматриваемых наименований.

Как показали результаты исследования этнолингвистической географии Южной Славии, наименование явления традиционной народной духовной культуры представляет собой емкое выражение свернутого обрядового текста, который при картографировании «разворачивается» в пространстве вокруг ядерной лексики – термина. Эта закономерность подтверждается картами, относящимися как к календарной (см., например, карту «медвежьего» дня – ⁺Мечкин дан: названия ритуалы, обрядность), так и семейной обрядности (см. карты названий ребенка – участника свадьбы; названий жертвенного животного на поминках и др.). Картографирование наименований мифологических персонажей и соответствующих этнокультурных контекстов функционирования терминов в ряде случаев также указывает на зоны концентрации характерных признаков персонажа, отраженных в его названии, например, во внутренней форме термина (см. карту названий ведьмы с семантикой ‘отбирать’, ‘переманивать’ и соответствующих поверий о чудесном помощнике, называемом мамник и под.). При картографировании особенностей функционирования многозначной мифологической лексики обнаруживается наличие компактных ареалов маркированных признаков мифологических персонажей, мотивирующих употребление соответствующих обозначений в сфере общеупотребительной лексики (см. карту семантических полей ⁺(х)ала, ⁺ламија ‘прожорливый, ненасытный’, ‘проявление стихии’, ‘ряженный на святках’ и т.д.). Этнолингвистическое картографирование показывает и особенности распространения ядерных

и периферийных значений подобных терминов: так, дериваты от серб. *дрек-*, обозначающие демона, происходящего от умершего некрещеного младенца, образуют узко компактный регион в центральной и западной Сербии; сходные наименования от серб. *дрек-* для обозначения демонической птицы или зверя, криком предсказывающих несчастье, распространены в более широком центральном ареале (западная и центральная Сербия, северное Косово, северо-восточная Босния); те же дериваты как обозначение демонов иного происхождения известны также и по всей Боснии. Таким образом, принцип концентрических кругов распределения этнокультурных контекстов вокруг ядерного термина (или значения ядерного термина) характерен для самых разных типов лексики традиционной народной духовной культуры.

Важным результатом исследования стало выявление культурно-языковых ареалов в южнославянском диалектном пространстве и определение процессов их взаимодействия. Ареалогическое изучение этнолингвистических данных подтверждает основное деление южнославянского диалектного пространства по принципу восток — запад и центр — периферия; выделяются и достаточно компактные ареалы Южной Славии, которые характеризуются целыми наборами этнолингвистических признаков. К таким ареалам относятся: западный хорватско-словенский; сербско-болгарское пограничье; южный балканославянский пояс; центральный южнославянский ареал (определяющийся на основании противопоставления архаической южнославянской периферии); центральная балканославянская зона (включающая македонскую, западноболгарскую, сербскую, черногорскую и в ряде случаев восточногерцеговинскую традиции); македонско-южносербско-западноболгарский клин.

На основе этнолингвистического картографирования показано, что каждый из выявленных в работе ареалов культурно-языкового пространства Южной Славии может быть описан через набор дифференцирующих признаков, соответствующих особенностям лексики и терминологии традиционной народной культуры и связанным с ней (а в ряде случаев — мотивирующим ее) контекстам. Каждый из признаков имеет при этом свою географическую специфику, определяемую изоглоссами (изолексами, изосемами и изодоксами), пучки которых очерчивают границы выделяемых южнославянских ареалов.

Решение вопроса о границах распространения типичных для Балкан культурно-языковых явлений связано с изучением этнолингвистических данных всех южнославянских культурно-языковых традиций. Многие случаи (пример окказионального обряда вызывания дождя и обслуживающая его этнокультурная лексика; терминология хронимов и обрядовых реалий; мифологическая лексика) наглядно показывают значение этнолингвистических данных из западных областей (в том числе — словенских) для решения вопроса о зонах балканских инноваций в южнославянском пространственном континууме. Опыт этнолингвистического картографирования позволяет сделать вывод о том, что западная граница распространения ряда культурных, семантических и лексических балканизмов сильно продвинута на запад (см. распространение терминологической лексики ⁺*dodola*, ⁺*peperuga* / ⁺*prporuša*, ⁺*(o/u)ris* и др.).

В ходе исследования было выявлено, что южная (греческая) волна культурно-языковых явлений сильно видоизменяет картину центр – периферия, так что, например, так называемые словенско-македонско-болгарские культурно-диалектные изоглоссы, относимые (согласно теории о центре и периферии) к периоду первого этапа расселения славян на Балканах, могут проследиваться в архаическом сербско-болгарском пограничье и отсутствовать на остальной территории Болгарии. Значение греческого влияния особенно важно учитывать при анализе географии лексики и терминологии традиционной народной духовной культуры (ср. распространение терминологии обрядов, связанной с *ἄλζαρως*, *βασιλοπιττα*). Как отмечают многие исследователи, углублению различий между западной и восточной частью славянского населения Балкан способствовало его разделение по признаку разных сфер культурного влияния, под которым славяне оказывались после переселения на Балканы: преобладающее воздействие позднеримской культуры в западной части и греческой — в восточной.¹¹ Этот фактор позднего влияния наложил отпечаток на географию терминов народного календаря, поминальной обрядности и др., хотя архаическое содержание многих ритуалов и магических действий осталось прежним.

¹¹ См., например, Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992. С. 19.

С другой стороны, в ряде случаев, касающихся архаической лексики, оставшейся за рамками влияния традиционных профессиональных культур, южный балканославянский пояс характеризуется славянской лексикой и оказывается противопоставленным северу в плане славизмы / грецизмы (*наречница / орисница*), несмотря на сильное греческое влияние именно в этой, сопредельной с Грецией, южной балканославянской зоне. В подобных случаях (ср. также славянские названия ведьмы в южном балканославянском поясе типа *мамница, презимачка*, мифологические наименования *јуда* и др.) представляется целесообразным рассматривать лексику народной мифологии в качестве определяющей при изучении вопросов этногенеза славян на Балканах.

Пограничные зоны балканославянского ареала характеризуются рядом уникальных признаков, обусловленных их местоположением на пересечении культурно-языковых ареалов. Сербско-болгарское пограничье, македонский ареал, южный балканославянский пояс (как и некоторые локальные зоны, например, болгарский регион Родоп) — яркие примеры взаимопроникновения разных, как генетически родственных (славянских), так и неродственных (балканских неславянских) традиций, поэтому здесь обнаруживается высокая степень дивергенции терминов, сосуществование признаков, присущих разным культурно-языковым ареалам. Вместе с тем, каждый из выделенных ареалов, несмотря на большие размеры в рамках Южной Славии, имеет свою специфику и характерные отличия.

Построение южнославянских культурно-языковых ареалов показывает важную особенность их взаимодействия в пространстве южнославянских языков и традиций: ни один из ареалов не может быть выделен изолированно от других — либо они находятся в непосредственном противопоставлении на примыкающем друг к другу пространстве, как правило, — это восток / запад, север / юг (с наличием или отсутствием между ними пояса переходных или параллельных явлений), либо противопоставление определяется путем вычленения большого ареала внутри другого ареала, характеризующегося единым комплексом явлений, но представляющего собой «разорванный» полукруг (центр — периферия). Примечательна и другая закономерность: периферийные ареалы, в отличие от центральных, не являются замкнутыми, другими словами, западный хорватско-словенский, с одной стороны, и сербско-болгарское пограничье, македонско-южносербско-западно-

болгарский клин и южный балканославянский пояс, с другой, имеют множество сходных черт, представляя собой открытые структурные пространства (в направлении как иных славянских, так и неславянских балканских традиций), тогда как центральные ареалы являются средоточием черт, не имеющих продолжения вне их условных границ.

При анализе нескольких десятков этнолингвистических карт, посвященных терминологической лексике традиционной народной духовной культуры во всем многообразии ее тематических сфер (календарная и семейная обрядность, народная мифология), были выявлены закономерности взаимодействия южнославянских культурно-языковых ареалов. Принципиально новые данные касаются концепции периферийной (латеральной) и центральной зон. Можно предположить, что для определения периферийной зоны Южной Славии необходимым и достаточным условием может стать наличие регулярных соответствий в зоне сербско-болгарского пограничья (и шире – в восточной части Южной Славии) и прибрежной части Адриатики (и шире – в западнохорватско-словенском ареале) или в южномакедонской полосе (и шире – в южном балканославянском поясе) и прибрежной части Адриатики (и шире – в западнохорватско-словенском ареале), как это, например, показывает картографирование явлений терминосистемы погребальной обрядности (термины от **plak-* в значении ‘голосить по умершему’; термины с внутренней формой ‘вить’ / ‘вить’ в том же значении; наименования с корнем **mьrtvъ* в значении ‘поминки в течение календарного года’) и примыкающей к ней части народной мифологии (наименование ⁺*тепѣц* ‘вампир’; названия демона умершего некрещеным ребенка от **nav-*).

Ряд наблюдений в плане ареального изучения Южной Славии касается теории центра. Этнолингвистическое картографирование показывает направление распространения явлений центра: устойчивые изоглоссы (изолексы и изодоксы) с северо-запада на юго-восток, практически повторяющие границы славянской территории на Балканах и проходящие на определенном удалении от Адриатического моря и неславянских (албанских) территорий (наименование главного рождественского хлеба *честница*; термины от **kuk(a)-* в значении ‘голосить по покойному’; названия жертвенного животного на поминках от **duš-*; термин ⁺*задушница* для обозначения поминок в течение календарного года; названия южнославянской ведьмы от **čīn-* – серб. *чишлица* и под.; наименование

змееподобного мифологического персонажа ⁺(х)ала; наименований демонов судьбы от *sqd-, в том числе мужских мифологических персонажей усуд, и т.д.). Ареалы, указывающие на центр в смысле противопоставления его периферии, могут быть крайне узкими и компактными (западносербско-боснийский), более широкими (захватывающими северную Черногорию и/или северное Косово), максимально широкими (включающими не только Сербию и Черногорию, но и Македонию, западную Болгарию, ср. ареалы распространения терминов серб. *чесница*, а также ⁺новојница, ⁺(х)ала), однако при этом сохраняется их основная конфигурация в направлении северо-запад – юго-восток.

Дальнейшее ареальное изучение южнославянской терминологической лексики и соответствующих этнокультурных контекстов ее функционирования должно быть направлено на увеличение фактического материала (в идеале – на заполнение всей сетки этнолингвистических признаков, представленных в работе) и создание большего корпуса карт, что позволит уточнить многие предварительные выводы, сделанные на основе первых опытов комплексного этнолингвистического исследования ареалов Южной Славии. Кроме того, последующее сопоставление южнославянских данных этнолингвистического картографирования с аналогичными географическими данными восточно- и западнославянских традиций (что было бы возможно в результате создания атласа славянской духовной культуры) даст новые импульсы для исследования этногенеза славян. Существенным вкладом в проблематику южнославянских культурно-языковых ареалов может быть исследование неславянских балканских традиций по аналогичным принципам изучения лексики традиционной духовной культуры (прежде всего – терминологии и соответствующих контекстов семейной обрядности и народной мифологии, а также и в сфере народного календаря, с учетом существенных моментов реконструкции архаических балканских контекстов под «слоем» конфессиональных особенностей мусульманской традиции). Основа для подобного сопоставления с целью дальнейшего этнолингвистического картографирования заложена в перечне выработанных в работе этнолингвистических признаков.

Перспективным представляется дальнейшее сопоставление ареалов, выделяемых на основе лексики народной духовной культуры и соответствующих экстралингвистических контекстов, с ареалами, которые определяются этнографами на основе изучения

явлений материальной культуры. Культурно-языковые ареалы, установленные по данным нашего исследования, в своих основных чертах совпадают с конфигурациями ареалов традиционной культуры Юго-Восточной Европы М. Гавацци, особенно это касается македонского, родопского, фракийского ареалов, формирующих, как было показано выше, южный балканославянский пояс; примыкающего к македонскому шопского ареала и др. Вместе с тем, проведенное этнолингвистическое картографирование территории Южной Славии с последующим определением изоглосс (изолек, изосем и изодокс), позволяет проследить сложное взаимодействие выделяемых культурно-языковых ареалов: неоднородность шопского и моравского ареалов, части которых по разным признакам включаются в более крупные ареальные объединения (македонско-южносербско-западноболгарский клин; балканский центр, включающий Сербию, Македонию, Черногорию, западную Болгарию; восток Южной Славии, объединяющий Болгарию, Македонию и юго-восточную Сербию); специфику динарского ареала и примыкающих к нему паннонского и моравского ареала в его западной части, проявляющуюся при картографировании как узкий или же достаточно широкий центр по отношению к периферии, и т.д.

Основные публикации по теме диссертации.

1. Архаические элементы в святочно-новогодней обрядности южных славян // Этногенез, ранняя история и культура славян. М., 1985. С. 69-72.
2. Лексика и символика южнославянского рождественского хлеба типа *чесница* в географическом аспекте // Балканские чтения - 2. Симпозиум по структуре текста. М., 1992. С. 71-75.
3. Об одном новогоднем обряде у сербов // *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993. С. 134-143.
4. Рождественская символика в терминологии обрядового хлеба у сербов // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения - II. М., 1993. С. 37-62.
5. Из Словаря «Славянские древности»: Ветер // Славяноведение. № 6. М., 1993. С. 4-9.

6. Славянская обрядовая терминология в пространстве Балкан // *Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка*. М., 1994. С. 75-83.
7. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. 72 с.
8. Slavic Balkans Terminology of Ritual Bread // *Revue des Études Sud-Est Européennes*. Tome XXXIV. № 1-2. Bucarest, 1996. P. 66-69.
9. Семантический подход к описанию терминологии южнославянской обрядности // *Вопросы языкознания*. № 2. М., 1997. С. 77-89.
10. Мифологическая лексика тимокского края // *Facta Universitatis. Series linguistics and literature*. Vol. 1. № 4, University of Nish, Yugoslavia, 1997. С. 267-282.
11. Культурно-языковое членение балканославянского ареала (на материале обрядовой терминологии) // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов*. Краков, 1998 г. Доклады Российской делегации. М., 1998. С. 489-507.
12. «Этнокультурная» лексика как объект картографирования // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 5. Актуальные проблемы славянской лингвогеографии. М., 1998. С. 266-283.
13. Южнославянская народная демонология в балканском контексте // *Studia mythologica Slavica*. № 1. Ljubljana, 1998. С. 119-130.
14. Проблемы балканской ареалогической этнолингвистики (обряд *додола – пеперуга*) // *Материалы XXVII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып.11. Балканские исследования. Санкт-Петербург, 1998. С. 48-51.
15. Из словаря «Славянские древности»: Здухач // *Славяноведение*, № 6, 1998. С. 11-12.
16. Способы презентации этнолингвистического материала в МДАБЯ // *Малый диалектологический атлас балканских языков*. Материалы третьего рабочего совещания. Санкт-Петербург, 1999. С. 30-42.
17. Македонская этнокультурная лексика в свете ареалогии // *Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте*. М., 1999. С. 258-265.

18. Терминология южнославянского ряжения. Зимние обходы // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999. С. 77-98.
19. Этнолингвистические исследования в юго-восточной Сербии // Живая старина. № 1. М., 1999. С. 45-46.
20. Ареальный метод в поиске *балканского* на Балканах // Балканские чтения -5. Тезисы и материалы. В поисках «балканского» на Балканах. М., 1999. С. 52-54.
21. Система демонических персонажей в быличках восточной Сербии (на южнославянском фоне) // Етно-културолошки зборник, књ. V. Сврљиг, 1999. С. 37-42.
22. Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян // Славянский и балканский фольклор, М., 2000. С. 243-258.
23. Македонская этнокультурная лексика в ареальной перспективе (*самовила* и *стија*) // XXVI Научна дискусија на XXXII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2000. С. 71-86.
24. Балканославянский ареал через призму этнолингвистической программы («звериные» праздники) // Исследования по славянской диалектологии - 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 30-51.
25. Ethnolinguistic phenomena in border Balkan Slavic areas // Association Internationale d'études du Sud-Est Européen. Bulletin. Bucarest, 2001. 31. P. 169-176.
26. Из словаря «Славянские древности»: Кукеры // Славяноведение. 2001. № 6. С. 69-70.
27. Етнолингвистичката програма во македонскиот пункт на «Малиот дијалектолошки атлас на балканските јазици» // EtnoAntropoZum. № 1. Скопје, 2001. С. 8-25.
28. «Видимая» и «невидимая» нечистая сила: мифологические образы у балканских славян // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 128-154.
29. Южнославянская этнокультурная лексика в ареальном аспекте // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2003. С.498-513.

30. Южнославянские персонажи типа *вила* в свете «балканского» на Балканах // Славянское и балканское языкознание. М., 2003. С. 228-249.
31. Источносрпски говори у односу на стандардни српски језик // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 57. Bosanski – Hrvatski – Srpski. Aktuelna pitanja jezika Bošnjaka, Hrvata, Srba i Crnogoraca. Wien, 2003. S.193-200.
32. Актуальные вопросы изучения современного состояния языка в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Сербии и Черногории // Славяноведение. № 3. 2003. С. 101-108.
33. Этнолингвистическое картографирование фрагментов масленичной обрядности южных славян // Balcanica. XXXII-XXXIII. 2001-2002. Belgrade, 2003. С. 95-121.
34. Южнославянские родины: структура, терминология, география // Кодови словенских култура. № 7. Деца. Београд, 2003. С. 7-26.
35. Диалектное членение южнославянского ареала по данным этнокультурной лексики и вопросы балканского лингвистического атласа // Актуальные вопросы балканского языкознания. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2003. С. 61-70.
36. Этнолингвистическая диалектология: южные славяне // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения Н.И. Толстого. М., 2004. С. 420-429.

Подписано в печать 28.09.2004
Объем 3,1 п.л. Тираж 100 экз.
Компьютерный центр ИСл РАН – ritlen@mail.ru

